

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.014
УДК 81:39 + 811.161.1'282.2(470.1/2)

Т. А. Агапкина*
Е. Л. Березович**
О. Д. Сурикова**

*Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

**Уральский федеральный
университет
Екатеринбург, Россия

ТОПОНИМИЯ ЗАГОВОРОВ РУССКОГО СЕВЕРА. II: ЗЕМЛИ. ГОРЫ. ОСТРОВА. ГОРОДА*

Статья продолжает цикл публикаций, посвященных вопросам происхождения и бытования топонимов в заговорных текстах — устных и рукописных — из севернорусских губерний (областей): Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Костромской. В ней рассматриваются названия «земель», гор, островов и городов, функционирующие в заговорах. В ходе анализа авторы учитывают следующие параметры: 1) варианты имени в заговорах Русского Севера; 2) количество текстов с упоминанием топонима; 3) связи топонима с другими именами географических объектов внутри данного текста; 4) изофункциональные топонимы; 5) фольклорные мотивы, в реализации которых участвует географический объект и его имя; 6) представленность данного имени в других жанрах фольклора; 7) связь с реально функционирующей топонимией Русского Севера; 8) версии

* Авторская работа Т. А. Агапкиной и О. Д. Суриковой выполнена при поддержке Российского научного фонда по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373.

Авторская работа Е. Л. Березович выполнена за счет средств проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

Авторы благодарят И. И. Муллонен за консультации при подготовке статьи.

относительно происхождения названия. Наиболее малочисленны названия «земель», семантика которых реализует смысловую оппозицию *свое* — *чужое*. Самую обширную группу составляют наименования гор, среди которых выделяются топонимы, апеллирующие к библейским прототипам (*Фавор*, *Синай* и др.), называющие «общерусские» топообъекты (*Фолын-гора*), местные горы (*Согожъ-гора*), продолжающие общефольклорную традицию (*Сорочинские горы*), а также являющиеся окказиональными заговорными топонимами, не имеющими реального / текстового прототипа (*горы-Хры*). Среди названий островов (которых вдвое меньше, чем гор) преобладают вариации фольклорного протоими *остров Буян*. Названия заговорных островов и гор практически не отражают реальную топографию Русского Севера (богатую особенно островами). Что касается имен городов, то они присутствуют преимущественно в рукописных молитвах и заговорах (и значительно реже — в устных севернорусских заговорах), практически все эти города — из библейской истории. В реальной топонимии отражено только название *Иерусалим*.

Ключевые слова: топонимия, названия гор, названия островов, названия городов, язык русского фольклора, заговоры, Русский Север, семантико-мотивационная реконструкция.

Эта статья продолжает серию публикаций, посвященных вопросам происхождения и бытования топонимов в заговорных текстах — устных и рукописных — из севернорусских губерний (областей): Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Костромской. В предыдущей статье [Агапкина и др., 2018] были подробно охарактеризованы задачи предприняемого исследования, источники материала, принципы его подачи, а также проанализированы названия морей и рек (из имен водных объектов именно они оказываются представленными в заговорах, избегающих, например, наименований озер и других водоемов)¹. В нынешней публикации мы обратимся к группам названий, обозначающих объекты, которые образуют сушу (земли) или находятся на ней, при этом речь идет об относительно крупных объектах (горы, острова, города); обозначения «точечных» — камней и деревьев — будут представлены в последней публикации из этого цикла².

¹ Сохраняются особенности подачи материала, принятые в предыдущей статье. В отношении рукописных сборников соблюдена орфография источников. Географическая атрибуция текстов, взятых из рукописных сборников, осуществляется по тому месту, где они были приобретены или где жил владелец рукописи. Из экономии места заговоры приводятся во фрагментах, поэтому отточия в цитатах всегда принадлежат авторам статьи. При сопоставлении заговорных названий с реальными топонимами Русского Севера для последних в скобках указываются районы фиксации без ссылки на источник (подразумевается, что названия извлечены из картотеки Топонимической экспедиции УрФУ [ТЭ]).

² В последней публикации из этого цикла будут представлены названия «точечных» объектов — камней и деревьев.

ЗЕМЛИ

Обозначения земель — самая маленькая, но очень характерная группа заговорных названий, которая включает в себя 11 фиксаций топонимов, что соответствует семи топоосновам. Все наименования представляют собой атрибутивные конструкции с существительным *земля* (в одном случае — *сторона*).

Говоря о происхождении заговорных топонимов, мы делим их на прецедентные (имеющие реальный источник, прецедент за пределами текста) и фольклорные, денотат которых отсутствует или неизвестен. Названия земель составляют промежуточную группу: с одной стороны, у них, как правило, есть прецедентная основа (выраженная прилагательным), с другой — локативный указатель *земля* (*сторона*) не входит обычно в состав реально функционирующей системы географических названий, а является признаком топонимии фольклорной (и шире — употребляется в народной традиции как маркер «своего» или «чужого», ср. устойчивую пару *своя земля* — *чужая земля* > *чужеземный*).

Русская земля

В а р и а н т ы: *русская земля* (К-Б., Прион.) [Курец, 2000, № 422; РЗЗ, № 617], *земля Русская* [РО ИРЛИ, ФА, колл. 192, с. 239, № 1], *светаруская земля* (Тот.) [Виноградов, 1, № 19].

Четыре фиксации.

Э п и т е т: *святая*. Встречается не только в составе сложного прилагательного (*светаруская земля*), но и отдельно: «Вы, буйные ветры, ходите по святой русской земле. На святой русской земле есть мой суженый, есть мой ряженный, есть мой законный, есть мой величальный...» (К-Б., Прион.) [РЗЗ, № 617].

К этим описательным наименованиям примыкает единожды зафиксированный реальный топоним *Россия*: «как колокольный звон идет по всей России, так же рабе Божией шла хорошая честь и слава, и похвала по всей России...» (Сольвыч.) [Ордин, л. 57]. *Русская земля* и *Россия* появляются для того, чтобы показать «тотальность» какого-либо действия, события, процесса, его огромный пространственный охват; неслучайно эти топонимы более чем в половине случаев употребляются с местоимением *вся*: «како стекаются быстрые реки и малые источники изо всей русской земли в славный океан-море...» (Прион.) [Курец, 2000, № 422]). По *Русской земле текут (собираются)* реки и источники, *ходят* буйные ветры и *идет* колокольный звон.

Терская сторона

Топоним однократно отмечен в заговоре из г. Мезень: «На синем море, на синем на Хвалынском, на волынском, в Терской стороне есть морские звери...» [Ефименко, 1878, 181]. Возможно, *Терская сторона* в данном случае связана

с *Тереком* — «если учесть, что последний обнаруживает пространственную смежность с *Хвалынским* (= Каспийским) морем (хотя заговоры вовсе не стремятся воссоздать реальную топографию)» [Агапкина и др., 2018, 100].

Крымская земля, Литовская земля, Немецкая земля,

***Турецкая (*Турская*) земля,**

***Басурманская (*Бурьсаманская*) земля**

Эти пять наименований встречаются в одном тексте, отмеченном в рукописном сборнике начала XIX в. из Тотемского у. Вологодской губ.: «Во всей земли под красным а под светлым месяцем, в ноц по всей светаруской земли, турской, литовской, немецкой, крымской, по бурьсаманской...» [Виноградов, 1, № 19]. Эти названия, образованные от топонимов и этнонимов (в том числе от «квази-этнонима» *басурманы*), вкупе со *светаруской землей* очерчивают вселенную; сами они являются характерными для русского фольклора (по крайней мере, севернорусского) маркерами чужих земель. Так, все указанные прилагательные встречаются в былинах — и помещены М. А. Бобуновой и А. Т. Хроленко, составившими словарь языка онежских былин, в раздел «Чужеземное» [Бобунова, Хроленко, 2006, 167–175]. Интересно, что в один ряд с прилагательными *литовский, немецкий, турецкий, басурманский* включено слово *крымский*. Очевидно, фольклорная память фиксирует статус Крыма до присоединения Крымского ханства к Российской империи при Екатерине II (ср. изофункциональность слов *крымский* и *татарский* в онежских былинах: «Была поляница-та крымская, / Царица татарская» [Там же, 169]).

Таким образом, смысловым субстратом, определяющим функционирование названий земель в текстах заговоров, ожидаемо становится оппозиция *свое* — *чужое*.

ГОРЫ

Гора — один из наиболее распространенных типов географических объектов, традиционно упоминаемых в восточнославянских заговорах (чаще всего они маркируют «средний локус» мифологического пространства — место, где расположены камень, дерево, алтарь и др.; могут также символизировать вершину мира в вертикальной модели пространства и обозначать границу [см. хотя бы: Юдин, 1997, 185–188; Белова, Петрухин, 2009; Толстая, 2015, 143; и др.]). Материал заговоров Русского Севера — не исключение из общего правила: нам удалось обнаружить 22 отдельные номинации гор (без учета вариантов); количество их фиксаций достигает 63.

Прецедентные оронимы

Библейские названия

Фавор

В а р и а н т ы: *Фаворская гора* (Олон.; Тот.) [Ребров, 1886, 52; Голубцов, 1909, 2; Виноградов, 1, № 19], *Фаворския горы* (Белом.) [Курец, 2000, № 414], *Фаворная гора* (Арх.) [Ефименко, 1878, 177], *гора Фавор* (Кадн., Пыщ.) [РК 5/2, 424, 426; Виноградов, 2, № 8], *Фавор гора* (Солигалич., Холм.) [Ефименко, 1878, 171; Виноградов, 1, № 70], *Фафер-гора* (Арх.) [Ефименко, 1878, 171].

Отмечено 12 употреблений.

Э п и т е т: *святая* (*святая Фаворская гора*).

С библейской горой *Фавор* (расположенной недалеко от Назарета и считающейся местом Преображения Господня) в севернорусских заговорах связаны три мотива, и в зависимости от характера последних варьируют сведения о локализации и качествах этого топообъекта, разнятся персонажи, с ним связанные, и совершаемые ими действия. Первый — мотив сакрального (мифологического центра). Фавор занимает положение, типичное для гор в заговорной мифотопографии, и маркирует «средний локус» (второй уровень). Из текстов известно, что *Фавор* стоит «в нове граде Иерусалиме, близь святаго Иордана» (Тот.) [Виноградов, 1, № 19], т. е. соседствует с другими прецедентными библейскими локусами. На *Фаворе* могут помещаться сакральные ландшафтные объекты (*древо, бел Латырь-камень*), магические помощники, располагающиеся или непосредственно на горе, или на камне (объекте третьего, центрального уровня мифологического центра), который на ней лежит («три мужа архангелы Михаил, Гавриил и Рафаил, да три святые отца» (Кадн.) [РК 5/2, 426]; «пречистая Богородица, Христа царя мати» [Виноградов, 1, № 19]), а также сакральные объекты, связанные с магическим помощником и наделяемые его силой («на горе лежат скирды церковныя самыя Пресвятыя Богородицы, владычицы, Владимирской, Казанской, Спасской, Федоровския и Обновления в новее граде Иерусалиме» (Пыщ.) [Виноградов, 2, № 8]).

В рамках следующего мотива (представленного в двух вариантах) — «Как крепка горы, так же крепка ограда вокруг имярека / скотины, так же крепко слово заговора» // «Как гора светом покрывается, так пусть Богородица покроет (защитит) скотину» — гора *Фавор* становится носителем желаемых защитных свойств — «активным» (в качестве символа крепости) или «пассивным» (обозначая обозримый, охватываемый светом / божьей милостью объект).

В скотоводческих заговорах, где упоминается крепость *Фавора* и его свойство не сдвигаясь стоять на одном и том же месте, эта гора, как правило, фигурирует в ряду других оронимов: *Синай, Вертеп, Афон, Палестинские* и *Иерусалимские горы*. Каждой из гор приписывается способность *не раздвигаться* и *не расходиться* (горы, таким образом, уподобляются скотине и представляются связанными

в цепь или кольцо): «и сколь крепко стоит на месте и сдержится в месте Синай-гора, и сколь крепко стоит на месте и сдержится в месте Вертеп-гора, и столь (сколь) крепко стоит на месте и сдержится в месте Афон-гора, и сколь крепко стоит на месте и сдержится в месте Фафер-гора, и сколь крепкой огород четыре горы и четыре страны — Палестинския и Ерусалимския, горы не рассыпаются и не роздвигаются, с места не подвигаются, и столь бы же крепко сей огород, и сей заговор кругом меня, раба божия, и кругом милого моего живота и крестьянского скота на сохранение и на бережение» [Рыбников, 4, № 23]. При этом горы как символы крепости (и *Фавор* в частности) изофункциональны крепкому камню в море и гробу Господнему, крепко держащемуся в Иерусалиме (примечателен скотоводческий заговор, где последовательно разворачиваются все три мотива — камень, горы, гроб Господень [см.: Виноградов, 1, № 70]).

Наконец, в рамках третьего мотива *Фавор* ассоциируется с «чужим», удаленным локусом, куда отсылаются вредоносные персонажи — как правило, дикие звери, угрожающие скотине (в скотоводческих заговорах). Упоминается, что *Фаворская гора* находится за *Черным морем*, и там много *питанья и яствей* (Белом.) [Курец, 2000, № 414] для хищников.

В реальной топонимии Русского Севера названия, восходящие к библейскому *Фавору*, кажется, не зафиксированы.

Синай

В а р и а н т ы: *Синайская гора* (Gen. *Синайстей горы* — XVII в., заговор от деревьев и от недругов) [РЗРИ, № 124], *гора Синайская* (Арх.) (Gen. *горе Синайстей* — Костр.) [Ефименко, 1878, 156; РЗРИ, № 4; Виноградов, 2, № 2], *Синайския горы* (XVII в., от ран) [РЗРИ, № 9], *горы Синаские* (Ник.?) [ОЧ, 187], *Синай-гора* (Арх.) [Ефименко, 1878, 171], *Синай гора* (Солигалич.) [Виноградов, 1, № 70], *синяя гора* (Холм.) [Ефименко, 1878, 171].

Десять употреблений.

Топоним *Синай* (отсылающий к названию библейской горы, где Бог дал Моисею десять заповедей) в заговорах Русского Севера связывается с несколькими мотивами. Во-первых, гора упоминается в скотоводческих заговорах, реализующих мотив «Как крепки горы, так же крепка ограда вокруг имярека / скотины, так же крепко слово заговора», где наряду с *Афоном*, *Фавором* и *Вертепом* становится символом крепости и «стабильности» (см. выше)³.

³ Интересно, что в одном из таких заговоров на месте *Синяя* фигурирует *синяя гора*: «сколь крепко *Фавор гора* стоит на месте она и держитца вместе, сколь крепко *синяя гора* стоит на месте она и держится вместе, сколь крепко *святая гора* стоит на месте она и держится вместе, сколь крепко *Афон-гора* стоит на месте она и держится вместе...» [Ефименко, 1878, 171]. Такое сближение обусловлено, думается, не только фонетическим сходством слов *Синай* и *синий*, но и традиционностью цветообозначения *синий* для фольклорной традиции вообще и заговорной — в частности. Широко известна номинация *синее море*, и *синий* в языке фольклора действительно чаще всего фигурирует в составе этого словосочетания, однако переход эпитета закономерен, если учитывать типичность

С *Синаем* начинают связываться важнейшие события христианской истории, происходившие, согласно канону, в других местах, что наблюдается еще в двух текстах другой функциональной группы (обереги от недругов и ран): «И как распинали жидове на Синайстей горы самог(о) государя царя Иисуса Христа небеснаго...» [РЗРИ, № 124] (распятие с Голгофы переносится на Синай) и «За морем Окияном стоят горы Синаские, на тех горах Синаских стояла Пречистая над гробом Господним, радовалась воскресению Христову...» [ОЧ, 187] (с *Синаем* ассоциируются погребение и воскресение Христа).

Синай фигурирует также в лечебных текстах, где он теряет всякую связь с другими библейскими топообъектами и событиями и становится типичным функциональным инвариантом заговорного топоса — горы. В таких текстах воплощаются мотивы: «Ворон уносит на Синай безушую иглу, которой была зашита рана» (*Синай* как олицетворение удаленного и недоступного места); «На Синае сидит мифологический помощник (старец Сисиний), повелевающий болезни (лихорадке) исчезнуть»; «На Синае располагается объект / персонаж, подвергаемый деструкции, но неуязвимый», ср.: «Есть святое окиян море, за окияном морем есть Синайския горы, на Синайских горах лютой змий под(ъ)едает мерзлое древо. Как в мерзлом дре(ве) нет руды, ни пены, ни щепоты, ни болезни, так бы не было у раба Б(о)жия имярек ни руды, ни пен(ы), ни щепоты, ни болезни» [РЗРИ, № 9]; «И как распинали жидове на Синайстей горы самог(о) государя царя Иисуса Христа небеснаго, не могли добыти ни крови, ни раны, ни уразу, ни болезни, ни щепоты, ни ломоты, ни пухоты; так бы мои супостаты на мне, на рабе Б(о)жии имярек, не могли добыти ни крови, ни раны, ни уразу, ни болезни, ни щипоты, ни ломоты, ни пухоты» [Там же, № 124]. В двух последних мотивах *Синай* — «средний локус» мифологического центра (в том числе находящийся за морем), где происходит важное событие (распятие, отгон болезней), располагается сакральный объект (столб, в котором сидит *святой отец*), обитает значимый персонаж (лютый змей, Иисус Христос, *святой отец*, *святые отец и сын*).

Название горы *Синай* представлено и в реальной топонимии Русского Севера. Интересно, что эта гора находится у д. Летний Наволок в Приморском р-не Архангельской обл. — недалеко от Соловецких островов [Березович, 2010, 91]. Есть основания полагать, что на этой территории целый ряд объектов номинирован не без участия соловецких монахов, ср. названия находящихся в округе гор *Елеон* и *Голгофа* [Там же, 85, 86]. Это символические топонимы, не отражающие

«смещения» свойств и обозначений топообъектов в заговорах, в том числе в составе номинативных цепочек (ср.: «под дубом под Лаврентьем, на горе Асафе, и стоят тут 12 сестер» [Виноградов, 1, № 101] — и «На море на Асафе, под деревом вишневым, стоят три ангела» [Там же]; «И погоню свой скот, милой живот, к Океану морю, к Акьяну граду» [Елпидинский, 1872, 586]; «как белый камень в Белом море, как черный камень в Черном море, как арап камень в Арапском море, как Хвалын камень в Хвалынском море» [Мардарьев, 1914, 13–15] и мн. др.; см. об этом явлении еще [Агеева, 1982, 135]).

реальных признаков объекта, но апеллирующие к значимому для христиан культурному прецеденту. Такого рода топонимы поддерживают (но, разумеется, не обуславливают) появление заговорного *Синая*.

Сион

В а р и а н т ы: *Сионская гора* (В-Важ., Костр., Ник.) [РЗЗ, № 1538; Ефименко, 1878, 205, 218; Виноградов, 1, № 126; Попов, 1903, № 26], *Сивоньска гора* (Карг.) [РЗЗ, № 1612], *Сион гора* (Олон.) [Суеверие..., 667], *гора Сион-матушка* (Олон.) [Виноградов, 1, № 40], *Осион гора* (Пудож.) [Мансикка, 1926, № 36].

Девять употреблений.

Э п и т е т ы: *крута(я)* (*крутая Сионская гора*), *матушка* (*крута гора Сион-матушка*). Любопытно, что типичное фольклорное именование рек и гор — *матушка* — в случае с *Сионом* приобретает дополнительную смысловую поддержку: в «Голубиной книге» *Сион* наряду с *Фавором* называется *матерью всех гор*, ср.: «Сион гора потому всем горам мати, что преобразался на ней сам Исус Христос, животворящий крест» [Мочульский, 1887, 116].

Образ *Сиона*, важнейшей библейской горы, символа Иерусалима и царства Божия, в русском и вообще славянском фольклоре, в том числе в заговорах, изучался неоднократно [см. специально: Белова, Петрухин, 2009; Толстая, 2015; Юдин, 2004; Никитина, 1993; Мочульский, 1887, 114–118; и др.]. Исследователи единодушно квалифицируют эту гору как центр или вершину мира в мифопоэтической модели пространства, и это вполне характерно также для севернорусской заговорной традиции. Так, из нашего материала известно, что гора *Сион* стоит *в чистом поле, в восточной стороне, за огненной рекой / на море-океане на острове Буяне*; на ней располагаются точечные сакральные объекты (*церковь / 77 церквей, престол, дуб-стародуб, золотая лестница*), обитают мифологические помощники (*три угодника — Сон Богородицы, Ведение Богородицы, Рассудная Богородица*; сама *Богородица*; *двенадцать апостолов, двенадцать ангелов, птица огненна, Илья-пророк*, он же, вероятно, — «матер человек на своем вороном кони») (Арх.) [Ефименко, 1878, 218]).

Гора *Сион* — один из немногих топообъектов, с которыми вступает в тесное взаимодействие субъект заговора: имярек ложится на нее, идет и всходит на нее, глядит на нее. Кроме того, *Сион* может пониматься как «чужой» локус, населенный мифологическими противниками: на ней, как и на *Синае*, лежит змей, который «подъедает, подгрызает свою мерзкую траву» [РЗЗ, № 1612], на ней, привязанный к дубу, обитает *старый бес* [Виноградов, 1, № 40]. Таким образом, густонаселенный севернорусский *Сион* вполне умещается в мотив мифологического центра, являясь источником и целью центростремительного и центростремительного движения персонажей и субъекта заговора, но не отсылая к библейским протособытиям.

Использование имени *Сион* в заговорах поддерживается реальной топонимией Русского Севера, где есть как минимум четыре интересующих нас названия:

Осиянова Гора (Сок.), *Осиянка*, *Осиянная Гора*⁴ (У-Куб.) и др. Подобные названия возникают в памяти информантов тогда, когда речь заходит о церквях, стоящих на этих возвышенностях, и являются, таким образом, элементами «не столько текста, описывающего окружающую географическую реальность, сколько текста, связанного с культовой деятельностью» [Березович, 2010, 91].

Афон

В а р и а н т ы: *Афон-гора* (Холм.) [Ефименко, 1878, 171], *Афон гора* (Солигалич.) [Виноградов, 1, № 70], *горы Афонские* (Обонеж.) [Курец, 2000, № 206].

Четыре употребления.

Название *Афон*, отсылающее к горе Афон — христианскому центру, который расположен на одноименном греческом полуострове, — упоминается в севернорусских заговорах в связи с двумя мотивами. Первый из них — мотив мифологического центра, и в соответствии с ним *Афонские горы* маркируют «средний локус» мифотопографии: на них растет сакральный фитообъект (*дуб мокрецкой*), а под ним сидят магические помощники — *Праотец Панфутий с тремя наддесятыми братьями*, призванные защитить имярека от недугов.

Второй мотив — «Как крепки горы, так же крепка ограда вокруг имярека / скотины, так же крепко слово заговора», при реализации которого название *Афон* соседствует с оронимами *Синай*, *Вертеп*, *Фавор*, *Палестинские* и *Иерусалимские горы*, — описан выше. В рамках данного мотива *Афон* изофункционален другим упоминаемым в перечне горам.

В реальной топонимии Русского Севера *Афон-гора* возникает единожды и номинирует орообъект, расположенный около костромского села Леденгск, с которого открывается вид на церковь [см.: Березович, 2010, 84]. Таким образом, заговорный и костромской *Афоны* связаны радиально и имеют общий культурный прецедент.

Вертеп

В а р и а н т ы: *гора Вертеп* (Пудож.) [Ефименко, 1878, 171; Курец, 2000, № 339], *Вертеп гора* (Солигалич.) [Виноградов, 1, № 70, № 19].

Четыре употребления в текстах, ср.: «пресвятая богородица царица небесная, мати Христова, загради ризою нетленную, которую породжала и заграждала сына своего возлюбленного, господя нашего Иисуса Христа, во святом граде во Иерусалиме и во святой горе во Вертепе...» [Ефименко, 1878, 171].

⁴Формы, представляющие собой результат контаминации *Сиона* и *сияния*, встречаются не только в реальной, но и в заговорной топонимии, ср. в нашем материале: «В цистом поли стоит Осион гора, с этой горы золотая лисвенка, серебряны ступенци» [Мансикка, 1926, № 36]. Об этом явлении см. [Березович, 2010, 91–92; Толстая, 2015, 143; Юдин, 1997, 190; Белова, Петрухин, 2009, 6].

Эпите́ты: *крутая* (предл. п. *на крутой горы на Вертепе*), *святая* (предл. п. *в Святой горе, в вертепе*)⁵.

Название *Вертеп* образовано от соответствующего апеллятива, имеющего церковнославянское происхождение, ср. ст.-слав. *врѣтъпъ* ‘пещера, укрытие’ [Аникин, 6, 332], при этом подразумевается пещера на восточном холме Вифлеема, где родился Христос (отсюда затем ст.-рус. *вертеп* ‘переносный кукольный театр для представления на святках сцен на библейские темы’ [СлРЯ XVIII, 3, 50–51]).

Вертеп «укоренен» в библейском контексте и выступает в окружении библейских топонимов: с одной стороны, при реализации мотива «Как крепки горы, так же крепка ограда вокруг имярека / скотины, так же крепко слово заговора» в одном ряду с *Фавором*, *Синаем* и *Афоном*; с другой стороны — при уточнении локализации этой горы (*во святом граде во Иерусалиме, над святой рекой Иорданом / Ерданом*). *Вертеп* сохраняет связь с библейским протособытием, отсюда и стабильность системы связанных с ним персонажей (ср. в приведенном выше контексте упоминание Богородицы, которая *порождала и заграждала Иисуса*).

Вертеп, однако, способен выполнять и более общую топографическую функцию — быть «средним локусом» в рамках мотива мифологического центра (с телескопическим продвижением к центру: гора — точечный объект — сакральный помощник), ср. текст, реализующий сюжет «Сон Богородицы»: «На крутой горы на Вертепе, над Святой рекой Иорданом стоит Божья Апостольская церковь. В этой Божьей Апостольской церкви на столи, на престоли, Мати моя и возлюбленная плачет и рыдает...» (Пудож.) [Курец, 2000, № 339]. Перенесение места, где родился Иисус, из пещеры на гору интерпретируется по законам топографии заговора: священное событие должно происходить в сакральном локусе — на горе. Возможно, для такого переноса есть и «бытийная» поддержка: дело в том, что в вертепных кукольных представлениях, которые пришли в Россию, как считается, на рубеже XVII и XVIII вв. и укоренились в народной традиции, использовался двухъярусный ящик, при этом сцена рождения Иисуса показывалась на верхнем «этаже» [Некрылова, 1988, 66], располагавшемся над уровнем глаз зрителя. Следы представлений о вертепных действиях остаются в лексике Русского Севера до сих пор, ср. арх. *вертѣп* ‘палка с разноцветными бумажками, атрибут празднования Рождества’ [СГРС, 2, 64].

⁵Эпитет *святая* крепко привязан к орониму — и даже, возможно, способен его заменять. Ср. вариант скотоводческого оберега с устойчивым перечнем гор: «сколь крепко Фавор гора стоит на месте она и держитца вместе, сколь крепко синяя гора стоит на месте она и держится вместе, сколь крепко *святая гора* стоит на месте она и держится вместе, сколь крепко Афон-гора стоит на месте она и держится вместе...» [Ефименко, 1878, 171] на фоне «И сколь крепко Фавор гора ст(о)ит на месте и она держится вместе, и сколь крепко Синай гора стоит на месте и она держится вместе, и сколь крепко *Вертеп гора* стоит и она держится вместе, и сколь крепко Афон гора стоит на месте и она держится вместе...» [Виноградов, 1, № 70] и под.

В реальной топонимии Русского Севера фиксируются названия, образованные от основы *вертеп*: поле *Вертеп* (Вох.), пок. *Вертепы* (Кон., Ньюкс.), ур. *Вертепы* (Нейск., Уст.) и др. Но эти названия не имеют, по всей видимости, «сакральных» коннотаций, они связаны с многозначным географическим термином *вертеп*: арх., влг. ‘воронка, водоворот в реке’, арх. ‘ямистое, неровное место’ [СГРС, 2, 64; СРГК, 1, 178]; значения на других территориях см. в [Аникин, 6, 333]. Вопрос о связи двух *вертепов* — названия сакрального локуса и «профанного» географического термина — непрост: при вероятном единстве происхождения у этих слов сложные смысловые отношения друг с другом [см.: Там же, 331–334]). В любом случае наличие *вертепов* в реальной топонимии может поддерживать топонимию заговорную.

Голгофа

Три употребления.

В а р и а н т ы: *гора Голгофа* (Кадн.) [Иваницкий, 1890, 136], *гора Елофа* (Сольвыч.) [Ордин, л. 68], *гора Ольфофа* (Арх.) [Колосов, 1877, 182].

Заговорная *Голгофа* — один из наиболее «ситуационных» мифотопонимов, вокруг которых в текстах разворачивается библейский сценарий с постоянным набором персонажей и атрибутов. Она стоит *во святом городе Ерусалиме*, а на ней — *крест Господень*, под крестом *лежит глава адамова и кости адамовы*; на Голгофе на *дереве кипарисе* был распят *Господь (Христос)*. При этом Христос — тот самый «неуязвимый» персонаж, чьи качества должны передаться имяреку (*Голгофа* упоминается в лечебных заговорах и оберегах).

Тесная связь Голгофы с самой трагичной для христианского мира протоситуацией — распятием Христа, обуславливающая высокую «ситуационность» соответствующего оронима в заговорах, влияет и на положение дел в реальной топонимии. На Русском Севере известны как минимум три горы *Голгофы* (Гряз., Прим., Уст.), расположенные у монастырей, насельники которых, судя по всему, и придумали эти книжные названия (на это указывает в том числе отсутствие *голгоф* в диалектной лексике) [Березович, 2010, 85].

Э п и т е т: *святая (святая гора Голгофа)*. Как и в случае с горой *Вертеп* (см.), эпитет *святая* так надежно закреплен за *Голгофой*, что ороним может элиминироваться, — упоминание святости горы, особенно в сочетании с постоянными атрибутами Голгофы, отсылает к единственному денотату: «В чистом поле стоит *свякоська* (святковская. — Т. А., Е. Б., О. С.) *гора*. На этой *свякоської горы* стоит древо Кепорично. На этом древе кепоричном истинной небесной Христос распят...» [РО ИРЛИ, р. V, колл. 2, п. 10, ед. хр. 1–64, № 24, л. 25].

Иерусалимские горы

Три фиксации.

В а р и а н т ы: (*И*)*ерусалимския горы* (Холм.) [Ефименко, 1878, 171], *Иерусалимски горы* (Солигалич.) [Виноградов, 1, № 70]).

Название дано по прецедентному имени *Иерусалим* (см. ниже). Наименование выступает в тесной связке с *Палестинскими горами*: иногда это компоненты общего обозначения (*Палестинская, Иеросалимски горы*), иногда номинации разделены союзом *и*: *Палестинския и Ерусалимския горы*. Так или иначе, это мифологическая «горная цепь», включающая четыре отдельных орообъекта: *Афон, Вертеп, Синай и Фавор*. Топоним упоминается в скотоводческих заговорах в составе мотива «Как крепки горы, так же крепка ограда вокруг имярека / скотины, так же крепко слово заговора» (подробнее см. выше).

О связи с реальной топонимией Русского Севера см. далее в разделе «*Иерусалим*». Примечательна топонимическая микросистема, зафиксированная в Устьянском р-не Архангельской обл.: недалеко друг от друга расположены поля *Палестина* и *Иерусалим*; в основе обоих названий — признак удаленности объектов от ближнего круга номинатора [Березович, 2010, 88]. Этот факт свидетельствует о неслучайности, даже возможной прототипичности «контекстного» соседства разбираемых топонимов.

Палестинские горы

Три употребления.

В а р и а н т ы: *Палестинския горы, палестинские горы* (Арх.) [Ефименко, 1878, 171], *Палестинская гора* (Солигалич.) [Виноградов, 1, № 70].

Название дано по обозначению исторической области *Палестина*. Во всех случаях *Палестинские горы* употребляются в ряду других (*Иерусалимские, Афон, Фавор*).

В реальной топонимии Русского Севера обозначения, связанные с *Палестиной*, не являются редкостью и встречаются по меньшей мере 17 раз: как правило, они называют поля и лесные полянки (не в последнюю очередь благодаря вторичному сближению *Палестина* — *поле*). При этом в основу номинации могут ложиться представления о Палестине как о сказочно прекрасной стране, образ палестинских пустынь или представления об отдаленности этого места [Березович, 2010, 89–90]. В топонимическую активность *Палестин* немаловажно «вливание» со стороны соответствующего апеллятива — общенародного (в значениях ‘местность, край’, ср. *в наших палестинах*, и ‘о большом пространстве, о большой полосе (земли, леса, покоса и т. п.)’) и диалектного (арх., влг. ‘участок земли’, ‘красивое место в лесу’, ‘полянка в лесу’ и пр. [КСГРС]). Безусловно, севернорусские топонимы, отсылающие к *Палестине*, напрямую не связаны с возникновением заговорных *Палестинских гор*, но они, возможно, поддерживают воспроизведение и (особенно) восприятие географических названий в фольклорном тексте.

***Елеонская гора**

Одно употребление — в лечебном заговоре в форме *Алянская гора*: «На Алянской горе лежит Адамова голова. Ничего она не боится: ни медного, ни железного,

ни булатного. Так же и у рабы Божьей (имя) тело не боится ни медного, ни железного, ни булатного» (Арх.) [Песковы, 1993, 78].

Этот топоним отсылает к библейской Елеонской, или Масличной, горе, которая связана со многими событиями земной жизни Христа и его вознесением. *Алянская гора*, очевидно, подменяет *Голгофу*: на ней находится постоянный атрибут *Голгофы* — *адамова голова* («передающая» имяреку свойство неуязвимости).

В реальной топонимии Русского Севера ороним *Елеон* встречается единожды. Он обозначает гору у д. Лопшеньга в Приморском р-не Архангельской обл. — недалеко от Соловецкого монастыря. Вероятно, это символическое название было создано не без участия соловецких монахов [Березович, 2010, 86].

Хорив

Одно употребление в форме *гора Хорива* (Влг.) [Попов, 1903, 246, № 131].

На горе *Хориве* (отсылающей к библейской горе Хорив, где Моисею было явление Божье в Неопалимой Купине) на огненной колеснице катается Илья-пророк, который затем сходит с горы и *заключает* все сущее, как должен заключить (остановить) кровь у имярека.

В реальной топонимии Русского Севера соответствующие топонимы не обнаружены.

Кипрые горы

Одно употребление: «В окиани-мори есть Кипрые горы. На Кипрых горах есть апостольска церковь...» (Мез.) [Петрова, 2007, 195].

Включены в мотив мифологического центра: расположены *под восточной стороной*, в *окиан-море*; на горах находится *апостольская церковь*, в которой стоит *стол-престол*; на последнем сидят мифологические помощники — *два апостола Христовых*.

Происхождение оронима неясно. Возможно, от *кипариса* (частотное заговорное название библейского дерева) с притяжением к *Кипру*, который упоминается в Библии в (1 Мак. 15:23, Деян. 4:36, 11:19; и др.).

В реальной топонимии название не зафиксировано.

Общерусские прецеденты

***Хвалынь**

Название однократно фиксируется в форме *Фолын-гора* (Сегеж.) [Курец, 2000, № 263].

Эпите́т: *матушка*.

Очевидно, это результат переноса с названия *Хвалынское море* (старое название Каспийского моря), которое описано в [Агапкина и др., 2018, 78]. Подобный перенос типичен для языка фольклора, а связь «море — камень (остров,

гора)» устойчива в мифотопографии заговоров. *Фолын-гора* — место обитания зловредного персонажа, змея *Василисты*, «контактный» локус, по которому идет субъект заговора: «пойду перекрестясь, пойду по Фолын-горе по матушке...» [Курец, 2000, № 263].

В реальной топонимии Русского Севера обнаружены следующие топонимы, сходные с названием *Хвалынское море* (**Хвалынь*): оз. *Хвалёное Озеро* = шутол. *Каспийское Море* (Кад.), руч. *Хвалы́на* (Шексн.), поле *Хва́льное* (Бабуш.), пок. *Хвалёнка* (Пин.), пок. *Хвалы́ха* (Вож.). Разумеется, никакого отношения к этимологии *Хвалынского моря*⁶ они не имеют, но образованы от глагола *хвалить*, к которому «притягивается» (в результате народной этимологии) и *Хвалынское море* (ср. устойчивый фольклорный эпитет морей, рек и др. — *славный*). Особенно надежна эта связь для первого случая (оз. *Хвалёное Озеро* = шутол. *Каспийское Море*). Очевидно, мотивация этих названий — «славный» топообъект, обладающий полезными для номинатора свойствами. Эти реальные топонимы семантически поддерживают заговорную *Хвалынь*.

Ильмень

Одно употребление в заговоре от ран: *Ильмень-гора* (Карг.) [Р33, № 1613].

Ильмень-гора — типичный «средний локус» заговорной мифотопографии, реализующий мотив мифологического центра: она находится *в чистом поле*, и на ней лежит мифологический противник — *лютая змея*, которая *ест от мертвого древа* (последнее должно внушить имяреку свойство неуязвимости). Эта гора — локус «контактный»: «Вылезу на эту на Ильмень-гору» [Р33, № 1613].

Название, скорее всего, перенесено с обозначения известного озера *Ильмень* в Новгородской обл. В пользу такого предположения говорит не только продуктивность переноса названий географических объектов в текстах заговоров (о которой уже говорилось выше), но и частотность и ареальная распространенность топонима *Ильмень* в результате новгородской колонизации: известны не только озера с таким названием (Волгоградская обл., Тверская обл., Челябинская обл.), но и реки (Кемеровская обл., Вологодская обл.), и даже не водные объекты — населенные пункты (деревни и села в Новгородской, Волгоградской, Самарской областях). Вполне вероятно, что гидроним *Ильмень* был известен в Каргополье (где записан заговорный текст, в котором встречается *Ильмень-гора*) не только из фольклора, но и как название одного из многочисленных водоемов. Более того, в некоторых говорах *Ильмень* претерпел деонимизацию и превратился в географический термин: ср. *ильмёнь* обл. (Слов. Акад.), дон., астрах., самар., урал., ворон. ‘озеро’, астрах. ‘водоемы, озерки, образовавшиеся на месте русла пересохшей реки’, ‘низкое место, углубление, наполненное водой’, симб., астрах.

⁶ Топоним *Хвалынское море* имеет иранские корни [Фасмер, 4, 229].

‘топкое болото, топкое место’ [СРНГ, 12, 186], что также могло влиять на известность слова (апеллятива и имени собственного).

В реальной топонимии Русского Севера есть ручьи с названиями *Ильмень* и *Ильменец* (Вож., Чаг.), а также объекты, чьи названия образованы от основы *ильм-* с другими формантами: р. *Ильмовка* (Гряз.), пок. *Ильмовая* (Плес.), лог *Ильмоватик* (Баб.), пок. *Ильмоватые* (Кон.). Последние восходят к лит. *ильм*, влг. *илём*, *илема* и др. ‘лесное дерево из семейства вязовых, ильм’ [СГРС, 4, 329], номинируя реки, по берегам которых растет ильм, лога и покосы, окруженные этой породой деревьев (ср. влг. *ильмовка* ‘покос, на котором растет ильм’ [Там же, 330]), — и не имеют непосредственного отношения к новгородскому гидрониму *Ильмень*, для которого предлагается финно-угорская этимология (< др.-рус. *Илмѣрь* < фин. *Ilmajärvi*, эст. *Ilmjärv*) [Фасмер, 2, 128]. Для названий ручьев *Ильмень* и *Ильменец* «древесная» мотивировка тоже не исключена — учитывая существование влг. *ильмень*, *ильмена*, *ильмина* ‘ильм’ [СГРС, 4, 329], однако в случае с гидрообъектами нельзя полностью отрицать и влияние «прецедентного» обозначения озера, особенно если иметь в виду территориальную близость запада Вологодчины, где записаны эти названия, и новгородского Ильменя.

Возвращаясь к заговорной *Ильмень-горе*, нужно отклонить версию о «древесной» мотивировке этого оронима: другие реализации гипотетической модели «название дерева → название горы» в заговорах Русского Севера не встречаются.

Местные оронимы

Лукина-гора

Одно употребление в тексте из Беломорского р-на Карелии [Курец, 2000, № 399].

Лукина-гора встречается в скотоводческом заговоре, где реализуется мотив мифологического центра: она располагается *в чистом поле, в океан-море*; в горе живет сакральный помощник — *сам Господь — истинной небесный Христос*.

Вероятней всего, ороним апеллирует к местному географическому названию. Несмотря на то что в топонимии Беломорского р-на, кажется, *Лукина Гора* не отмечена, в соседних Архангельской и Вологодской областях подобные названия фиксируются: г. *Лукина́ Гора* (Прим., Тарн.), д. *Лукина́ Гора* (В-Уст.). Возможно, попадание названия в текст заговора поддерживается ассоциацией с апостолом и евангелистом Лукой (ср. название куста деревень *Святой Лука* (Сок.) — по церковному приходу).

Согожь-гора

Одна фиксация в заговоре от змей: «Утрось было, Господи шли по матушке по Согожь-горы со двенадцатью Апостолами. На пути лежал змей Василис. Все обошли и обоколили, только не могли обойти и обоколить...» (Белом.) [Курец, 2000, № 259].

Эпите т: *матушка*.

По *Согожь-горе* идут сакральные помощники, а на их пути лежит мифологический противник.

Как и в случае с *Лукиной-горой*, ороним *Согожь* не встречается в месте фиксации заговора — Беломорском р-не Карелии, но похожие названия есть на Вологодчине: оз. *Сóгожа* (Бел.), р. *Сóгожа* (Влгд.). Известен также камень *Сóгожская Гора* у д. *Сóгожа* в Некрасовском р-не Ярославской обл.

Фольклорные оронимы

Общefольклорные топонимы

Сорочинские горы

Одно употребление в рукописном заговоре от кровотечения [РЗРИ, № 93].

Сорочинские горы характеризуются как «чужой» локус, выполняющий, кроме того, пограничную функцию: из-за них *вылетает вран двоеглавой, одноглазой, однокрылой, одноногой*, который хватает у *красной девицы Настасеи золотые иглы* (инструмент зашивания раны) и уносит их *за синее море*. Во второй части заговора ороним фигурирует в составе формулы невозможного: «Как не вылетывати врану из-за Сорочинских гор (дво)еглавому, одноглазому, однокрылому, одноному, так бы не бывати руды у раба Б(о)жия имярек...» [Там же].

Считается, что этот общefольклорный (в первую очередь, былинный) топоним, не имеющий реальной географической привязки, восходит к прилагательному *сарацинский* [см.: Юдин, 1997, 193; там же см. литературу вопроса]. В онежских былинах частотна именно форма *сорочинский* (88 употреблений этой формы против шести употреблений слова *сарацинский* [Бобунова, Хроленко, 2006, 171–172]).

В реальной топонимии Русского Севера есть созвучные названия: ур. *Сорóчинская Новина* (Вин.), бол. *Сорóчинское* (Кир.), а также д. *Сорóчина* (Лен.), пок. *Сорóчины Мысы* (Карг.). Скорее всего, они не имеют отношения к фольклорному орониму, а носят отантропонимический характер — от фамилии *Сорочин*, которая, в свою очередь, связана с обозначением птицы — *сорока* (или с производным от него глаголом типа *сорочить* арх. ‘стрекотать (о сороке)’, влг. ‘болтать, пустословить; сплетничать’ [СРНГ, 40, 35]). Возможна взаимная поддержка фактов реальной и фольклорной топонимии.

Заговорные оронимы

горы-Хры

Одна фиксация в заговоре от порчи, записанном в Никольском у. Вологодской губ. [РК 5/3, 368].

Горы-Хры вписываются в мотив мифологического центра. Ороним представляет собой редупликативную конструкцию, второй компонент которой носит глоссолалический фоноэкспрессивный характер. Возникновение такого рифмованного окказионализма «наведено» ритмико-синтаксической организацией текста: «на восточной стороне есть горы-Хры, на горах-Храх стол-престол, за столом престолом Спаситель...» [РК 5/3, 368].

гора Асаф

Одно употребление (Костр.) [Виноградов, 1, № 101].

Гора Асаф участвует в построении мотива мифологического центра: в заговоре, развивающем сюжет Сисиниевой легенды, она располагается *в чистом поле, под дубом Лаврентием*, а на ней стоят двенадцать лихорадок.

Чтобы понять мотивировку названия, нужно, как и в случае с *горами-Храми*, обратиться к контексту, который изобилует личными именами, присвоенными не только антропоморфным персонажам (субъект заговора, архангел Михаил), но и, как это часто случается в заговорах, природным объектам: «Встану я, благословясь, пойду я, *раб Божий Макара*, во чисто поле. В чистом поле стоял *дуб Лаврентий*; и *под дубом под Лаврентьем, на горе Асафе*, и стоят тут 12 сестер, беззастежных и простоволосых, и спрашивает их *батюшка Михаил архангел...*» [Виноградов, 1, № 101]. Очевидно, гора в этом тексте, подобно *дубу Лаврентию*, становится носителем личного мужского имени *Асаф* (< *Иоасаф*). При этом маловероятна непосредственная апелляция к Библии, которую предполагает А. В. Юдин, указывая, что это имя встречается в Ветхом Завете трижды [Юдин, 1997, 178]: антропоним *Иоасаф* (*Иосаф, Асаф, Асафий*) попал в святцы и был вполне распространен, стал базой для фамильной деривации (ср. *Асафов, Асафьев* [Унбегаун, 1989, 46]) и функционировал в фольклоре — в частности, известен духовный стих, где упоминается *царевич Асафий* (персонаж, очевидно, напрямую «мигрировал» из весьма популярной переводной «Повести о Варлааме пустыльнике и Иоасафе царевиче»).

В связи с *горой Асафом* интересно происхождение топонима *море Асаф* из заговора той же функциональной направленности (от лихорадки), записанного на той же территории (Костромская губ.), о нем см. [Агапкина и др., 2018, 79–80]. Вероятно, мы имеем дело с текстом, вторичным по отношению к тому, где упоминается «контекстно обусловленная» *гора Асаф*: существование этого варианта заговора свидетельствует о том, что топоним начинает восприниматься как «самостоятельный», способный функционировать вне антропонимного окружения. Смена номинируемого топообъекта (гора → море) объясняется или общей жанровой тенденцией, о которой неоднократно говорилось выше, или простой ошибкой / опiskой (особенно учитывая совпадение падежа: *на горе Асафе* и *на море на Асафе*). Первичность *горы Асафа* (а не *моря*) следует и из того, что в Сисиниевой молитве у восточных славян связка «гора — дуб» (и «поле — дуб»),

которая имеется в тексте, опубликованном Виноградовым, отмечается весьма часто, в то время как связка «море — дуб», кажется, вообще не появляется.

Усьян-гора

Одна фиксация в «судебном» заговоре из Пыщугского р-на Костромской обл. [Пыщуганье, 137].

Это еще одно отантропонимное название: из *Усьян* (< *Устин* < *Иустин*). Причины выбора именно этого имени выясняются при обращении к контексту, построенному на повторении звуков [у] — [с] — [т] — [д] и их комбинаций (определенную роль играет и близкий к [у] звук [о]): «Стоит **Усьян-гора**, на **Усьян-горе** **состоится суд**. Там **судят судьи** Лука и Марка. Они **судят** и **осуждают**. Ты не бойся, раб Божий Мария, ты не будешь **осуждена**...» [Пыщуганье, 137]. Имя *Ус(т)ьян*, начинающееся на *уст-* (метатеза к слову *суд*), оптимально для создания магической звукописи в обережных судебных словах.

Заговорная *Усьян-гора* поддерживается наличием созвучных наваний в реальной топонимии, ср., например, д. *Ус(т)ьяна* (Лен.), луг *Ус(т)ьянка* (Мез.), мыс *Ус(т)ьянка* (Нянд.) и др. Важно отметить, что такие топонимы могут быть образованы как от имени *Усьян*, так и от слова *устье* (что особенно вероятно для обозначений мысов, островов и т. п.).

Неясные названия

Каяна гора

Одна фиксация: «Медь к телу, а тело к меди, а от Каяной горы булавка в стегно колоти ти(?) втел(о)» [РЗРИ, 127, № 92].

Версии относительно происхождения этого названия подробно изложены А. Л. Топорковым [РЗРИ, 254]: 1) от др.-рус. *кайнный*, *кайный* 'достойный осуждения и сожаления, греховный, окайнный' (т. е. *Каяна гора* — «окайнная гора»); 2) от библейского антропонима *Каин* (т. е. «гора Каина»); 3) от исторического названия Ботнического залива *Каяно море* и связанного с ним наименования фактической границы между Россией и Швецией в XVI в. — *Каянский рубеж* (т. е. *Каяна гора* — рубеж между Швецией и Россией).

Хотелось бы предложить еще одну возможность интерпретации — от фольклорного гидронима *Океан-море*, ср. вариант *Киян море* и другие разнообразные фонетические варианты, представленные в заговорах Русского Севера [см.: Агапкина и др., 2018, 71]. Р. А. Агеева [1982, 135] упоминает также вариант *Каян*, ср. еще блр. *Кьянская гора* [Агапкина, 2005, 255]. Эта версия поддерживается регулярностью переносов названий топообъектов в заговорах и особой прочностью связи «море — камень (гора, остров)» в текстах этого жанра. Очень важным представляется такое обстоятельство: в говорах Архангельской обл. и Карелии слово *гора* имеет значение 'суша' [СГРС, 3, 97; СРГК, 1, 365], при этом в ряде

контекстов подчеркивается существование устойчивой антонимической пары *море* — *гора*: арх. «Всю жись между морем и горой», «На зиму мужик-от в море, а я на горы остаюсь» [СГРС, 3, 97]. Эта диалектная семантика поддерживает возможный перенос названия.

Окончательно интерпретировать мотивировку имени пока не представляется возможным, но мы склоняемся в пользу последней версии.

гора Бошовинская

Два употребления в вариантах одного лечебного заговора, записанных в Пудожском р-не Карелии: «Выйду в чистое полё, в чистоём поле — гора бошовинска, на горы бошовинской — древо кипарисно. На древы кипарисной Иисус Христос ходит...» (от золотухи) [Курец, 2000, № 147]; «Из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду в чистое полё. Там <...> гора бошовинска. На горы бошовинской — древа кипарисной. Иисус Христос, либо там когды Матушка Царица небесная, Богородица, пособи и помоги рабы Божьей Дарьи» (от боли в руке) [Там же, № 327].

Из контекстов заметно, что в обоих случаях *гора бошовин(ь)ска(я)* участвует в построении мотива мифологического центра (находится в чистом поле, на ней растёт сакральное дерево и обитает мифологический помощник).

Можно предложить несколько версий происхождения оронима.

1. В обоих вариантах заговора фигурирует *кипарис*; по нашим наблюдениям, в севернорусских заговорах это дерево является атрибутом *Голгофы*. Связь с *Голгофой* усиливается благодаря упоминанию в том же контексте *Иисуса Христа*. Возможно, *бошовин(ь)ска(я)* — какой-либо искаженный до неузнаваемости сакральный (библейский) топоним. Учитывая частотность «подмены» прецедентных гор (их названий и связанных с ними протособытий) в заговорах, это необязательно должна быть *Голгофа* — и даже необязательно нужно вести речь об орониме. Так, с фонетической точки зрения вполне подходящим на роль прототипа *бошовин(ь)ской горы* является библейское имя *Бее-Иешимов* (Числ. 33:49, Нав. 12:3), которое называет город, находившийся на восточной стороне Иордана, — последний оплот странствования евреев по Аравийской пустыне, «красу земли Моавитской» (Иез. 15:9).

2. Нельзя исключать отсылку к какому-либо местному ономастическому факту:

а) в карельской топонимии похожие названия, кажется, не встречаются, но в соседней Архангельской обл. (Каргопольский р-н) существует с. *Ошевенский Погост*; возможно, *бошовин(ь)ска(я)* — трансформированный вариант этого ойконима (с переносом имени собственного на другой топообъект). В этом селе был (и до сих пор действует) *Ошевенский (Александр-Ошевенский)* монастырь, который имел широкую известность. Отсюда сакральные ассоциации слова *ошевенский*, которые могли отразиться в заговоре. Интересно, что в одном из карельских заговоров упоминается святой *Александр Ошевенский* (основатель монастыря), чья память 20 апреля [Юдин, 1997, 116–117]. Эта версия выглядит

привлекательной, но не объясняет причины появления звука *б* в начале топонима *бошовин(ь)ска(я)*;

б) наконец, известны фамилии типа *Бошевин*, *Бошвин*, *Бошовин*. Вполне вероятно, что в заговоре фиксируется ныне утраченный местный ороним, образованный от такой фамилии.

К сожалению, окончательно установить мотивировку заговорного оронима не представляется возможным.

гора Крапа

Ороним единожды встречается в заговоре, реализующем сюжет «Сон Богородицы»: «Ай же ты, Матушка Мария возлюбленная, где же ты в ночь нечевала? — У (во) Святой горы Крапы, над Святой водой Иордана...» (Пудож.) [Курец, 2000, № 340]. Как правило, действие в таких текстах разворачивается в библейском пространстве: упоминаются сакральные прецедентные объекты вроде Иерусалима, Иордана, мифологической горы Вертеп и т. д. Поэтому можно предположить, что *Крапа* должна иметь некий прототип в Писании, возможно, искаженный до неузнаваемости. Это может быть имя *Фракия / Тракия* (2 Мак. 12:35) или *краниево место* (т. е. Голгофа), однако эти версии практически невозможно проверить.

Образ гор (горы) в заговорах Русского Севера слабо поддерживается реальной топографией региона (в отличие от образа реки): его активность обусловлена в большей степени мифопоэтической моделью пространства заговора. Эта модель настолько сильна, что подавляющее большинство конкретных реализаций образа гор участвует в воплощении мотива мифологического центра — вне зависимости от того, апеллируют названия гор к библейским прототипам (*Фавор*, *Синай* и др.), продолжают общефольклорную традицию (*Сорочинские горы*), называют «общерусские» топообъекты (*Фолын-гора*), местные горы (*Согожь-гора*) — или являются окказиональными заговорными топонимами, не имеющими реального / текстового прототипа (*горы-Хры*).

Индивидуальные черты в севернорусских заговорах сохраняют только две горы, обе библейские, — *Вертеп* и *Голгофа*. Они связаны с ключевыми, очень конкретными событиями земной жизни Христа — рождением и распятием, и эта символика достаточно сильна, чтобы избежать нивелирования и типологизации в мифопоэтическом пространстве заговоров. *Голгофа* даже становится своего рода «протогорой»: этот локус, обладающий постоянными атрибутами (*кипарис*, *адамова голова* и пр.) и тесно связанный с Иисусом Христом (распятием и постоянным там пребыванием), может называться разными именами — *Синайская гора*, *Алянская гора*, *гора Бошовинская*. Подмена имен «одноименных» и «разноименных» топообъектов (*гора Голгофа* — *Алянская гора*; *гора Фавор* — *гора Синай* в первом случае и *гора Асаф* — *море Асаф* — во втором) в схожих контекстах,

типичная для заговоров, также свидетельствует о первичности фольклорной функции по отношению к конкретному образу объекта — и о подчинении той пространственной модели, которая задана жанром.

В то же время местная топография (и отражающая ее диалектная стихия), думается, в какой-то мере «пробивается» в заговоры. Значимое для Русского Севера (особенно для поморской зоны) противопоставление суши и моря находит воплощение в лексической паре *гора — море*, чем поддерживаются переносы типа *гора Асаф — море Асаф*.

ОСТРОВА

Острова, как и горы, обозначают «средний локус» мифологического пространства восточнославянских заговоров: остров представляет собой предпоследний концентрический круг в мифотопографии текста; следующий за ним топообъект, как правило, является «точечным» и наделяется максимальной сакральностью. Следует отметить, что в севернорусском материале упоминания об острове в целом встречаются реже, чем о горе: в исследованном нами корпусе заговоров нашлось десять отдельных номинаций островов (без учета вариантов); насчитывается 14 их фиксаций — за вычетом фиксаций названия *Буян* и его вариантов, исчисляемых несколькими десятками (строгой систематизации они не подлежат).

Прецедентные топонимы

Местные топонимы

? **Бобер-остров**

Название отмечено единожды: «В чистом поле, в широком раздолье есть Бобер-остров. Стоит на Бобер-острове Божья церковь, лежит мертвое тело...» (Карг.) [РЗЗ, № 1434].

Можно предполагать, что в заговоре отражено местное географическое название. Так, в топонимии Русского Севера есть о-в *Бобры* (Кад.), перекал *Бобры* (Нюкс.), многочисленные *Бобровцы* и т. п. Форма *Бобер-остров* в картотеке ТЭ УрФУ не обнаруживается, однако активность номинативной модели несомненна. Важно еще отметить, что в Каргополье, где записан заговор (как и вообще на западе Архангельской и Вологодской областей), довольно часто встречаются безаффиксные топонимы, а также названия-полукальки с компонентами *-остров*, *-озеро* и пр. Таким образом, если даже у названия *Бобер-остров* нет точного «прототипа», то оно построено по «местной» модели.

? **остров Соколиный**

Одно употребление: «На этой восточной стороне стоит остров соколиный, в этом острове соколином стоит океан-море, а в том море живет семьдесят чертищев...» (Кадн.) [РК 5/2, 545].

Как и в предыдущем случае, есть основания думать, что топоним отсылает к реальному местному названию (или же «навеян» местной топонимией). Известна продуктивность основы *сокол-* в топонимии Русского Севера, ср. ур. *Соколиные Лахты* (Прим.), бол. *Соколиное* (Кад., Леш.), оз. *Соколиное* (Ваш.), ур. *Соколинная Гладь* (Сок.) и др. (эти названия превосходят по частотности топонимы, образованные от всех других обозначений дневных хищных птиц, вместе взятые [см.: Березович, 2014, 92–94]). Что касается островов, то чаще они называются топонимами, образованными от прилагательного *соколий*: о-в *Соколий* (Бел., Ваш., Вин., Карг.), о-в *Соколий Островок* (Череп.), однако есть и названия, образованные от прилагательного *соколиный* (Мез., Пин.).

Онимизированные термины

? остров Курган

Отмечен единожды в архангельском заговоре в форме *остров-курган* [Ефименко, 1878, 178]).

Остров-курган располагается на морье-окиане, а на острове лежит камень *алатырь*, где сидят сакральные помощники — «ангел и Спас-образ с ангелы и архангелы и со Пресвятою Богородицею Божию дево-владыцею Матерью Марию, и великии помощники Божии Изосим и Савватий Соловецкие чудотворцы» [Ефименко, 1878, 178].

А. В. Юдин видит в номинации *К(к)урган* имя собственное [Юдин, 1997, 188], однако предпочтительнее думать, что это слово только «дрейфует» на оси «имя нарицательное — имя собственное» от апеллятивного полюса к проприальному. В пользу этого предположения говорит функционирование *кургана* в паре с постоянным эпитетом *высокий* в южнорусских и белорусских заговорах [Агапкина, 2005, 256]: контекстный анализ позволяет считать *курган* термином — вариантом *острова*. Что касается причин возникновения биннома *остров-курган* в зачине заговора, то, вероятно, не последнюю роль здесь играет рифма: «На морье-окиане, на острове-кургане лежит камень алатырь...» [Ефименко, 1878, 178] (ср. мнение Р. А. Агеевой о причине активности *Буяна*: «Заметим, что название *Буян* рифмуется со словом *Океан*. Роль рифмы, как и ритма, в самом факте привлечения собственных имен в текст заговора чрезвычайно велика» [Агеева, 1982, 139]).

Фольклорные топонимы

Общекорные топонимы

Буян

В а р и а н т ы: *остров Буян* [Цейтлин, 1912, 164, 12; Андроников, 1909, 17; Ефименко, 1878, 205; Ордин, л. 11; Курец, 2000, № 314, № 253, № 240, № 312,

№ 171, № 256, № 237; Виноградов, 1, № 121; Знатки..., № 195 и т. д.], *буяний остров* (Олон.) [РО ИРЛИ, р. 5, колл. 2, п. 10, ед. хр. 1–64, № 23, л. 24], *вострый Буян* (предл. п. на *востром на Буяне* — Пыщ.) [Виноградов, 2, № 4], *остров Буелан* (Тот.) [Виноградов, 1, № 81], *море Буян* (Костр.) [Там же, № 90] и т. д.

Буяну посвящена большая литература [см. хотя бы: Юдин, 1997, 187–188; Агапкина, 2005, 254–255; Агеева, 1982; Кондратьева, 1967, 225; Горбаневский, 1987; Аникин, 5, 266–267; Ларин, 1977, 83–100 и т. д.]. Образ этого острова в нашем материале принципиально не отличается от того, который многократно описывали исследователи, опираясь на общевосточнославянские данные, поэтому предлагаемая здесь информация будет конспективной; за подробностями отсылаем читателя к указанным работам.

Остров Буян, вполне в русле мотива мифологического центра, расположен на *море Окияне / в синем море* (оно, в свою очередь, находится в *чистом поле, под красным солнцем*). На острове есть сакральный «точечный» объект — *камень Латор* (*алтырь, анатырь, латырь* и пр.), *каменная гробница, святая церковь, каменная изба, дуб Карпиус, частый ракитый куст* и т. д. Там же обитают мифологические и сакральные персонажи (противники и помощники) — *Змей-Шкурапей, змея шестиглавая и щука редкие зубы, змея Матрона, белая кобыла, три старца с железными прутьями, Клеймон, Папа Римский и Василий Лекаримский, две матушки Божьи Богородицы, красная девица, братья Каер и Лоер* и мн. др. [подробней см.: Юдин, 1997, 187].

Что касается этимологии *Буяна*, то новая оценка разных версий изложена в [Аникин, 5, 266–267]. Трудности связаны с наличием как минимум трех нарицательных лексем, претендующих на роль производящих. Название острова может быть отождествлено с *буян* 2 ‘открытое возвышенное пустое место, не защищенное от ветра’; дальнейшие смысловые связи ведут и к *буян* 1 ‘человек буйный, бурливый и беспокойный; грубиян и забияка’ [Там же, 265–267].

Э п и т е т ы. Как правило, *Буян* лишен апеллятивного характеристического сопровождения, но в редких случаях, связанных с фонетическими или смысловыми флуктуациями, это имя собственное сопровождается эпитетами. Так возникает характеристика *вострый* (предл. п. на *востром на Буяне* — Пыщ.) [Виноградов, 2, № 4] — очевидное переосмысление существительного *остров*; возможность такого переосмысления связана с «самостоятельностью» топонима *Буян* — в ряде текстов он фигурирует без уточнения типа географического объекта, к которому привязан [см.: Агапкина, 2005, 254]. Встречается также определение *большой славный*, но в тексте заговора оно относится к *морю Буяну*: «На большом славном море Буяне, там стоит славный быстрый остров...» (Костр.) [Виноградов, 1, № 90] (где *славный остров* — по аналогии со *славным морем; быстрый ~ вострый < остров?*). Перед нами вновь перенос названия с одного топообъекта на другой — в рамках постоянной связи «море — остров (гора, камень)», речь о которой шла выше. В данном случае перенос поддерживается:

а) шаблонностью зачина, где говорится о *море-океане* и *острове Буяне*; б) рифмой: *океан* — *Буян*.

Интересно, что название *Буян* есть и в реальной топонимии Русского Севера (что подтверждает этимологическую связь с *буян* 'открытое возвышенное пустое место, не защищенное от ветра'), ср. поле *Буян* (С-Двин., Уст., Холм.), г. *Буяна Гора* (Кад.), лес *Буяниха* (Парф.). В Белом море (в районе Карельского берега) отмечается о-в *Буян* [Шилов, 2003, 162]. Установить направление связи с фольклорным *Буяном* в данном случае практически невозможно.

Океан остров

Четыре употребления: *Окиян остроф* (Пудож.) [Мансикка, 1926, № 126, № 44], *Екиян остроф* (Пудож.) [Там же, № 128], *окиан-остров* (Мез.) [Петрова, 2007, 221].

Остров находится в *Окиян море*; на острове расположен *Окиян камень* (*бел златырь камень*). В одном из заговоров [Мансикка, 1926, № 128] последовательность расположения топообъектов сбивается: остров расположен на *Екиян камне*, который, в свою очередь, находится в *Екиян море, в чистом поле*. На острове, кроме уже указанного камня, могут располагаться и другие «точечные» объекты (*Давыдов дом*; о нем см. далее в разделе «*Иерусалим*»), а также мифологические персонажи — *конь крепок* и *ёмок*.

Интересно, что *Океан остров* наряду с островом *Яост* (см. далее) включается не только в мотив мифологического центра, но также обозначает чужое, отдаленное пространство, куда отсылаются противники субъекта заговора: «Полетай, черный ворон, за семь морей, за семь земель — на окиан-остров! На окиан-острове есть убит бык семигодовалый. Там тебе, черному ворону, много есть питинья и кушанья!» (Мез.) [Петрова, 2007, 221].

Название перенесено с *Океан моря*, о котором подробно см. [Агапкина и др., 2018, 71–78]. Аналогичный случай (но с направлением переноса в обратную сторону) — *море Буян* (см. «*Буян*»).

Заговорные топонимы

Мугай-остров

Одно употребление в заговоре от сглаза: «Есть славное Мугай-море, на Мугай-море есть Мугай-остров, в Мугай-острове сидит Мугай-птица <...> отключивает носом <...> притчи и призеры и уроки <...> и полетает та Мугай-птица через огненную реку — и сгорят у раба божия (имрек) тыи притчи, призеры и уроки» (Олон.) [Рыбников, 4, 261, № 23].

Сквозное для этого текста имя первоначально относилось, по всей видимости, к птице *Мугай* (*Нагай, нагов* и др.); обоснование см. в [Агапкина и др., 2018, 84].

остров Стерегут

Одна фиксация в заговоре против порчи (Гряз.) [РК 5/2, 423].

Остров Стерегут находится в западной стороне, в синем море; на острове выросло дерево, на котором сидит железен муж и смотрит лихого человека-колдуна и ведуна.

Название имеет крайне необычную форму, поскольку образовано от гл. наст. вр. 3 л. мн. ч. *стерегут* 'сторожат, оберегают'. Этот предикат встречается в соседнем предложении, чем и «наведена» транспозиция: «Стерегут и берегут нас рабов Божиих (имя рек). <...> На том же острове Стерегуте выросло дерево...» [РК 5/2, 423] (в этом фрагменте заговора опущен субъект, однако очевидно, что стеречь и беречь имярека должны сакральные помощники; возможно, речь идет о святых Борисе и Глебе, о которых из другого текста известно, что они «стерегут и берегут небо и землю и тайну человеческую» [Юдин, 1997, 105]).

Интересно, что обсуждаемый случай — не единственный пример транспозиции глаголов в разряд личных имен в заговорах: известен, например, *ангел Пострелил*, об имени которого см. [Турилов, Чернецов, 1994, 28].

Условно онимизированные эпитеты

Климонтовский остров

Топоним зафиксирован единожды в заговоре из Олонецкой губ.: «Погляжу, посмотрю в подвосточную сторону. В подвосточной стороне есть окиян-море, в окиян-море есть Климонтовский остров» [Русов, 1910, 2].

Название, скорее всего, имеет отантропонимический характер и связано с именем святого Климента I, папы римского. Этот персонаж, популярный в православном мире, известен и заговорному универсуму (преимущественно севернорусскому). Так, встречаем: *Святый гсдрь папа Римский чудотворец Климент* (Олон., XVII в.), *священномученик Климент, папа Римский* (Новг.) [Юдин, 1997, 101]. Ср. также прямые упоминания о том, что папа римский Климент в числе других сакральных помощников находится на острове (откуда затем, вероятно, появился *Климонтовский остров*): «На море, на окияне, на острове на Буяне стоит латырь-камень. На том на камени, на том на латыри, сидят Климент — Папа Римский, Василей Кесарийской, тугой лук натягивают, калену стрелу накладывают...» (Белом.) [Курец, 2000, № 312]; «На море-окияне, на острове Буяне сидят Клеймон, Папа Римский, и Василий Лекаримский и тугой лук натягивают...» (Белом.) [Там же, № 314].

Менее вероятна связь *Климонтовского острова* с реальным *Клименецким островом* на Онежском озере: вряд ли могла произойти усложняющая трансформация *Клименец- > Климонт-*.

Неясные названия

Яост

Однократно фиксируется в заговоре из Архангельской губ.: «Яост есть остров, Яост полон людей, вен при своей простоте, и хвалитца Архан на Русь побывать и Русь (воевать?)...» [Ефименко, 1878, 202–203].

Реализует редкий для конкретных воплощений образа острова в севернорусских заговорах мотив «чужого», удаленного пространства — места обитания мифологического противника (царя Архана, имя которого производно, по всей видимости, от слова *архонт*, обозначающего высшее должностное лицо в древнегреческих полисах [Юдин, 1997, 226]).

Этимология неясна. Поскольку заговор извлечен из рукописного сборника, можно подозревать опisku, например искажение географического названия *Фест* (обозначающего древний город на Крите). Этому, однако, несколько препятствует повторение слова *Яост* в тексте заговора. В то же время описки в этом тексте вполне вероятны: такой фрагмент, как *вен при своей простоте*, вообще выглядит как ошибочный. Апелляция к реальной местной или общерусской топонимии маловероятна из-за специфического облика слова. Можно попытаться возводить топоним к библейским *nomina propria* на *Иос-* (в первую очередь, к *Иосафатовой долине*) — или предполагать искажение реального топонима *Иос* (греческий остров, впервые упоминаемый в «Географии» Страбона, кн. X, перевод которой на русский язык предпринят в XIX в.). Каждая из этих версий обладает высокой степенью гипотетичности и не может быть признана предпочтительной.

Выше говорилось о своеобразной асимметрии в разработке заговорных образов изофункциональных топосов — горы и острова: названий островов вдвое меньше, чем гор. Очевидно, это объясняется именно активностью *Буяна*, «на откуп» которому (вполне в русле общерусской традиции) отдана львиная доля вступительных формул в севернорусских заговорах. Таким образом, система номинаций островов в заговорах использует тот же жанровый принцип, который реализуется при номинации морей: топообъект в абсолютном большинстве случаев назван фольклорным «протоименем» (*море-океан, остров Буян*), меньшинство же упоминаний (≈ 1 –4 фиксации) относительно равномерно распределено между несколькими прецедентными и фольклорными (в том числе собственно заговорными) наименованиями. Соответственно, при создании образа острова (а также образа моря) исполнитель фольклорного текста апеллирует к «протообъекту» (остров как «срединный локус», имеющий четкую доминантную функцию в мифотопографии текста) и «протоимени» (*остров Буян* как базовая номинация топообъекта — настолько типовая, что может употребляться без апеллиатива *остров* [см.: Агапкина, 2005, 254]). Говоря же

о горах, условный севернорусский «номинатор» обращается в основном к их функции («протообъект»), не имея и не создавая заново «протоимени», а используя — реже или чаще — множество самых разных имен собственных (это отличается от ситуации, которая складывается в заговорном универсуме Восточной Славии: там доминантное, хоть и с небольшим числовым отрывом, имя горы — *Сион* [см.: Агапкина, 2005, 255]). «Наличие значительного числа имен собственных для объекта “гора”, причем частично книжного происхождения, может служить некоторым основанием для того, чтобы воспринимать и сам этот объект как активно поддерживаемый книжной традицией» [Там же]. Говоря об отсутствии «протоимени» у горы, с большой осторожностью предположим, что оно связано: а) с «книжностью» мифообъекта; б) с тем, что в заговорной традиции гора вторична по отношению к острову в качестве маркера «среднего локуса» (выступает как менее частотный вариант).

Что касается участия образа острова в реализации тех или иных мотивов, то здесь тоже видим отличия от образа гор. Горы, как правило, воплощают мотив мифологического центра — но также встречаются в составе мотива «чужого» пространства, символизируют крепость и стабильность и т. д. Острова же реализуют мотив мифологического центра в абсолютном большинстве случаев — за двумя исключениями: остров *Океан* и остров *Яост*. Кажется, что, несмотря на сильную поддержку образа острова местной севернорусской топографией (особенно это касается Архангельской обл. и Карелии с их выходом к Белому морю), образ этот имеет исключительно фольклорный характер (условный географический объект, расположенный в «среднем локусе» мифологического пространства заговора) и почти никогда не связывается с реальными топообъектами.

ГОРОДА

Город — историко-географический объект, имеющий конкретный прототип, который по большей части связан со Священным Писанием и библейской историей, и носящий его имя. В севернорусской заговорной традиции относящиеся к таким городам имена собственные сохраняют верность прототипу и крайне редко переходят на другие объекты, в том числе географические. Выделяются два основных обозначения города — *Иерусалим* и *Вифлеем*, остальные отмечены единично. Всего в нашем материале насчитывается девять названий городов.

Иерусалим

В рукописных заговорах встречаются варианты *Иерусалим* (Белом.) [Курец, 2000, № 416 и др.], *Иеросалим* (Костр.) [Виноградов, 1, № 70], в устных — *Ерусалим* (Медв.) [Курец, 2000, № 336 и др.].

Порядка 30 употреблений.

Эпители: основной — *святой* (*святой град Иерусалим*), реже отмечается эпитет *новый*: «Опустился сам Господь с небес. Пойде Господь от купеля в Новый Ерусалим» (Белом.) [Курец, 2000, № 257].

О фольклорном образе Иерусалима см. [Мочульский, 1887, 99–102; Толстая, 2015; Фиалкова, 1997; Белова, Петрухин, 2009].

Иерусалим относительно регулярно встречается в нескольких сюжетах, мотивах, а также функциональных группах заговоров. Как заметила С. М. Толстая в связи с *Иерусалимом*, упоминания этого города в фольклоре «не становятся собственно темой, т. е. предметом повествования, они лишь сигнализируют о библейских мотивах и отсылают к ветхозаветным или, чаще, евангельским сюжетам, прямо или косвенно связанным с Иерусалимом» [Толстая, 2015, 138].

Первый мотив — «Крепость заговорного слова подобна крепости Гроба Господня, висящего “на воздухе”⁷, в Иерусалиме». Не менее 12 употреблений, преимущественно в закрепках пастушеских отпусков и заговоров: «Сколь крепко и твердо основание земное и ништо с места двихнути не может, и коль крепко гроб Господень на воздухе во святом граде Иеросалиме, и сколь крепок и жесток синей камень в окяне море не крошится и не колется, и не разкитя (?), и не колется, и не разнится, и столь крепок и жесток сей мой буди вышеписанной заговор кругом моего вышеписанного коровья стада век по веку» [Ильина, Ипполитова, 2009, 201]; о сравнении заговорного слова с крепостью камня в *Океан-море* см. [Агапкина и др., 2018, 73]. Мотив указывает на связь заговорного *Иерусалим* с реальным прототипом (Гроб Господень находится в храме Воскресения Христа в Иерусалиме).

Второй сюжет характерен для рукописных молитв и заговоров на облегчение родов: Христос (сам, с учениками, с Иоанном Предтечей) шел из Иерусалима (или по нему) и встретил женщину, которая мучилась родами; Христос велит женщине родить без боли / пусть женщина родит легко и т. д. Не менее семи употреблений *Иерусалима* (есть и другие тексты, где город не назван): «Шел исус христос из веруя ерусалима ему навстречу Иван предпеча, Иван предпеча со рабей божьей Людмиле сходи в отробу шепни младенцу в право ухо чтоб костей не ломила, и утробы не вредило» (Карг.) [Знатки..., 429]; «Из града Иерусалима шол сам Исус Христос со своима учениками. <...> Лежит край пути раба Божья <...> серьцем больна, повелел Исус Христос родить младенця без застоения и без задержания» (Шенк.) [Мансикка, 1912, 128]. За этими вариантами (в которых апокрифическое начало молитвы соединяется с фольклорными мотивами устных заговоров на легкие роды) стоит текст, известный в русской, южнославянской

⁷В легенде же о Гробе Христа, висящем «на воздухе», традиционно усматривают параллель с другой древней легендой — о висящем в воздухе гробе Мухаммеда, хотя направление заимствования указывается порой прямо противоположное. Так, В. Мочульский считал, что за поздним сказанием о висящем гробе Мухаммеда «скрывается древнехристианская легенда о висящей гробнице Христа» [Мочульский, 1887, 114].

и византийской рукописной традиции (в лечебниках, требниках, сборниках апокрифических молитв), хотя *Иерусалим* фигурирует в нем не всегда [РЗРИ, 185, комм. к № 21; Агапкина, 2010, 619–622].

Иерусалим упоминается и в других заговорах на облегчение родов: «Есть поле Иерусалим и на том святом поле едет Елисаветъ Предтечева мати и за ней едет Елена царица и везет ключи, и отмыкает теми ключами горы каменные и косянныя, горы железныя и також отмыкай и у сей р(абы) Б(ожи)и и(мярек) косянныя и жильныя сему младенцу изыти из матерня чрева» (Олон.) [Смилянская, 2002, 341]. Называние *Иерусалима* «полем» может быть с известной осторожностью поставлено в контекст реальной топонимии Русского Севера, где в более чем половине фиксаций топонима *Иерусалим* он означает поле и покосы [Березович, 2010, 86]. Это кажется вполне возможным в заговорном тексте, за которым не просматривается прецедентный сюжет и который можно считать фольклорным, несмотря на «коллекцию» из Святого Града, святой Елизаветы и святой царицы Елены.

Иерусалим упоминается в зачинах заговоров от крови и раны: «В святом граде, святом Иерусалиме подбили, подстрелили святого Макария за святым престолом...» (Арх.) [РЗЗ, № 1626]. Подобные заговоры отсылают к эпизоду убийства пророка Захарии (отца Иоанна Крестителя) воинами Ирода в Иерусалимском храме (Мф. 23:35), притом что имя *Захарии* меняется в устных заговорах на *Макарий*, *Артемий* и нек. др. О соответствующих апокрифических молитвах и заговорах см. [Агапкина, 2010, 373–374].

Иерусалим встречается также в заговорах от зубной боли, в рамках вопроса о том, был ли некто в царстве мертвых или в другом максимально удаленном месте, где обитают мертвые и болят ли у них зубы: «В новом Иерусалиме встречается Иисус Христос Лазарю: “Лазаре ты, Лазаре, четырехдневный Лазаре <...> и был ты на том свете, и видел ты, Лазаре, из мертвых воскресных. Не болели ли там зубы, не тоснули ли щеки <...> ?”» (Арх.) [РЗЗ, № 1442]. В заговорах из других регионов в тех же контекстах вопрос задают месяцу, интересуясь, был ли он в Иерусалиме, или называя месяц *Иерусалимом* [Агапкина, 2010, 461].

С *Иерусалимом* и заговорами от зубной боли связано еще одно имя собственное — *Давыдов дом*, его заговор помещает в самый центр мира: «В цистом поли Екиян морё, в Екияни мори Екиян камень, на этом камению Екиян остроф, на этом острове стоит Давыдов дом. Под этим домом много похоронено мёртвых мертвецёф, у этих мертвицеф ни боля зубы, ни щемя щоки. И так бы там у раба Божья не болили бы зубы, не щемили бы щоки...» (Пудож.) [Мансикка, 1926, № 128]. Имеется в виду легендарный для славянского фольклора Дом Давида, находящийся в Иерусалиме, куда в том числе собираются души умерших в ожидании Страшного суда [об этих легендах см.: Толстая, 2015, 147–149; Фиалкова, 1997, 37; Белова, Петрухин, 2009, 10–11].

Иерусалим помещается также в сакральный центр, структурно выстроенный в полном соответствии с фольклорным стереотипом, а содержательно —

наполненный иными географическими реалиями: «Стану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь из избы дверми, из ворот в чистое поле, под восточную сторону, во святому городу Ерусалиму. Во святом городе Ерусалиме стоит гора Елофа, на той горе Елофе стоит крест Господень. Под тем крестом Господним лежит глава адамова и кости адамовы...» (Сольвыч.) [Ордин, л. 68].

В заговорах и рукописных молитвах в *Иерусалим* как «первый» город христианского мира изредка «переносятся» из других городов христианские святыни: «пойду я <...> в чистое поле под восточную сторону <...> и взойду я в небесный град Иерусалим, в том граде стоит церковь Лахернская Божией Матере Богородицы...» (Кадн.) [Попов, 1903, 217], хотя эта церковь находилась, как известно, в константинопольском предместье Влахерны. То же происходит и с событиями христианской истории, которые заговор иногда перемещает в *Иерусалим*: «Царица небесная, Мати Христова, как закрывала и заграждала сына своего, Господа нашего Иисуса Христа во граде во Египте и во Иерусалиме Иудейском от Ирода, царя безбожного и так закройте ризю своюю нетленною и меня Р. Б. и. р. и с любимое стадо коровье и овечье...» (Кадн.) [Дилакторский, 1891, 5], хотя как защитные толкуются обычно события, происходившие в Вифлееме (см. ниже).

Таким образом, *Иерусалим* сохраняет устойчивые корреляции с географическим и историческим прототипом — земным Иерусалимом. Процессы, описанные исследователями для устной прозы Полесья, Украины и некоторых других регионов, где *Иерусалим* как сакральный центр проецируется на пространство «своей» земли и в итоге помещается в Россию, Украина оказывается связана с ним подземными ходами, а «пуп земли» переносится в Киев [Белова, Петрухин, 2009], — для севернорусской заговорной традиции (рукописной и устной), кажется, не характерны. В некотором смысле аналогичную заговорной традиции ситуацию мы наблюдаем и в других, эпических, жанрах русского фольклора, прежде всего в былинах. Здесь *Иерусалим* выступает объектом паломничества («Сорок калик с каликами», «Поездка Василия Буслаевича в Ерусалим-град») или местом, где живет царь *Соломан* (Соломон) («Соломан и Иван Окульевич»), т. е. и в том и в другом случае остается в границах исторической и географической «реальности».

В заключение укажем, что Иерусалим — единственное название города в заговорной традиции, которое имеет параллели в реальной топонимии Русского Севера. Фиксируется 27 топонимических *Иерусалимов*, что составляет достаточно внушительную цифру. Большинство таких названий проанализировано в [Березович, 2010, 86–88]; за время, прошедшее с момента выхода этой книги, сотрудники Топонимической экспедиции Уральского университета записали еще два названия: поле *Ерусалим* — «Там церква была, называлась Рождества Христова, вот и назвали поле Ерусалим» (Окт.); д. *Ерусалим* — «Ерусалим это был паломник у нас, в град Иерусалим ходил несколько лет, пешком. Вот оттуда и название»; «Ерусалим, Рай — всё святые места тут» (Вох.). Последний контекст фиксирует

микросистему названий соседних деревень *Ерусалим* и *Рай*, подчеркивающую наличие «сакральных» коннотаций у обоих топонимов. Интересно, что в мотивировках топонимических *Иерусалимов* отражены не только символические смыслы (близость к церкви), но и представления об эстетических и прагматических качествах объектов (актуализируются признаки ‘плодородный’, ‘чистый’, ‘большой’) [Там же, 87–88]. Это говорит о высокой мелиоративной оценке *Иерусалимов*, существующей в народном сознании. Очевидно, при их воспроизведении транслируется та установка, которая сопровождала, например, появление монастыря *Новый Иерусалим* в Подмоскowie: новому объекту с помощью имени должны быть сообщены сакральные свойства прецедента.

Вифлеем

В а р и а н т ы: *Вифлеем* (Кадн., Олон., Прион.) [Курец, 2000, № 422; Иваницкий, 1890, 136; Елпидинский, 1872, 586; Ефименко, 1878, 166], *Вифлием* (Пин.) [Ефименко, 1878, 188; РО ИРЛИ, *ФА*, колл. 192, с. 237, № 1].

Около десяти употреблений.

Э п и т е т: *святой* (*святой град Вифлеем Иудейский / Иудейстей*).

Фигурирует в составе двух мотивов. Первый — «Богородица заграждает Христа в Вифлееме от Ирода», где *Вифлеем* ассоциируется с рождением Иисуса Христа, Богородицей и последующим укрыванием Святого Семейства от преследований Ирода: «И Ты, Пресвятая Матушка царица небесная и Приснодева Мария, как сохраняла и заграждала Сына Своего и Бога нашего Иисуса Христа Сына Божия от без Божнаго царя Ирода в Вифлиеме иудейском, так сохрани и загради с Сыном Своим и Богом нашим мой милой скот крестьянской живот от широколапого медведя» (1725 г., рукоп.) [РО ИРЛИ, *ФА*, колл. 192, с. 237, № 1].

Второй мотив — «Пусть встанет вокруг имярека Вифлеем, где Богородица родила Христа» — продолжает тему укрывания перед лицом опасностей: «Святый Михайло Архангел <...> постави около меня град Вифлеем, в том граде породила пресв. Владычица наша Богородица сына своего...» (Кадн.) [Иваницкий, 1890, 136]. Как отметил А. В. Юдин, *Вифлеем* выступает в заговорах «в качестве магического круга, защищающего человека от различных опасностей» [Юдин, 1997, 209]. В контексте рассматриваемого мотива *град Вифлеем* напрямую символизирует спасение и защиту, апеллируя не только к *Вифлеему*, где родился Христос, но и к *граду* как способу «ограждения»: «О, Пресвятая, Госпоже, владычице Богородице! как ты закрыла и *заграждала* сына своего Господа нашего Иисуса Христа во святом *граде* Вифлееме Иудейстем от Ирода царя безбожнаго, так ты закрой, *загради*, закрепи святою своею ризою <...> меня, раба Божия, пастыря, имярек, и мой милый скот» (Олон.) [Елпидинский, 1872, 586]. Последнее явно неслучайно, так как в подобных заговорах тема ограждения проигрывается иногда по нескольку раз. В приводимой ниже рукописной молитве это и мотив града Вифлеема (где Мария родила Иисуса и уберегла его), и обережный мотив одевания

небесными светилами, и мотив укывания имярека со стороны святых: «Господи Боже, благослови, (1) я, р. б. и., оболочаюсь солнцем и светлым месяцем, покрываюсь оболочком от земли и до небеси, (2) около меня, р. б. и., град Вифлием, а в том граде породила Пресвятая Богородица Сына своего Господа нашего Исуса Христа, (3) ангелы и архангелы и все лики святых <...> миня оберегут и огородят своими скипетры» (Пин.) [Ефименко, 1878, 188].

Царьград

Три употребления (Арх., Нянд.) [Знатки..., 439; РЗЗ, № 1627].

В молитве от всех болезней *Царьград* упоминается как место нахождения христианских святынь, церквей и икон, которые призваны защитить имярека: «Великая святая София над врятами Царя-града...» (Нянд.) [Знатки..., 439]. Кроме того, как отметил А. В. Юдин, в некоторых заговорах *Царьград* «отождествляется с Иерусалимом» [Юдин, 1997, 182] как один христианский центр с другим: «Во Цареграде, во городе Иерусалиме убили святого Макария...» (Арх.) [РЗЗ, № 1627].

*Эфес

Одно употребление в форме *Ефест* в зачине заговора от лихорадки: «Во граде Ефесте, на лобном месте, под листом, под манистом, стояли три гробницы. В первой гробнице — Михаил Архангел, во второй гробнице — Гавриил Хранитель, в третьей гробнице — святой Симон. Ходил святой Симон по матушке сырой земле; встретились с Симоном двенадцать дев...» (Костр.) [Виноградов, 1, № 98]. Неясен прототипический топоним, возможно, это *Эфес* (в заговоре конечное *-т* добавлено, скорее всего, для рифмы: *Ефесте — месте*). Не исключено, что упоминание о гробнице связано с тем, что в Эфесе, согласно легенде, был похоронен апостол Иоанн.

*Эдесс

Одно упоминание в форме *Едес*: «Молите святии Б(о)жии исповед(н)ицы, (Гу)раю, Самоне и Авиве дияконе. Як(о)же возврати(ли) д(е)в(и)цу во град Едес, во свой святой Авиданне...» (молитва Гурию и Авиву об отыскании украденного) [РЗРИ, № 60].

Имеется в виду Эдесс (ныне Урфа, Турция). Фраза «возврати(ли) д(е)в(и)цу во град Едес во свой» отсылает к рассказу о чуде Гурия, Самона и Авива [см. подробно: РЗРИ, 236].

Капернаум

Одно употребление: «Во святом граде Капернауме лежит там белый камень; как он тверд и крепок, так укрепь, Господи, сей божественный обход немого скота Твоего...» (Олон.) [Тихомиров, 1910, 24]. Исторически — город, в котором проповедовал Христос и где он совершил много чудес. Пример обращения к прецедентному

имени собственному без связи с сюжетом заговора и прототипическими событиями, имевшими отношение к соответствующему географическому объекту.

*Иерихон

Одна фиксация в форме *ирихон* в рукописном пастушеском отпуске: «Я буду просить пророка Даниила что бы он заградил уста Льву, в городе ирихоне...» (Карг.) [Знатки..., 327].

Упоминание о Данииле и львах восходит к Книге пророка Даниила: вавилонские сатрапы уговорили Дария Мидянина наказать Даниила (будущего пророка, попавшего подростком в вавилонский плен), бросив его в ров со львами; Даниил остался жив, сообщив Дарию: «Бог мой послал Ангела Своего и заградил пасть львам, и они не повредили мне» (Дан. 6:22). В заговоре Даниил, спасенный от львов, наделяется силой «заграждать уста» диким животным и тем самым оберегать скотину от растерзания во время выпаса.

В то же время связь пророка Даниила с Иерихоном неочевидна. Можно указать на то, что войско Навуходоносора поразило и взяло в плен Иудейского царя Седекию на равнинах Иерихонских, с чего фактически началось вавилонское пленение иудеев, в том числе будущего пророка Даниила, в то время еще подростка. Кроме того, существует описание древней мозаики в синагоге Иерихона с изображением сцены Даниила во рву со львами.

Рим

Встречается единожды в заговоре от зубной боли: «Лазарь ты Лазарь, сходи в Рим, спроси у мертвых: зубы не болят ли. <...> Как у мертвых зубы не болят <...> так же бы у меня <...> зубы не болели...» (Мез.) [Петрова, 2007, 205].

Рим в данном случае мало связан со своим географическим прототипом и означает некое крайне удаленное место: если рассматривать весь корпус аналогичных восточнославянских заговоров от зубной боли, то *Рим* окажется в одном ряду с такими локусами, как *тот свет*, *Сиянские горы*, *Иерусалим*, *дом Адама*, *область за Дунаем* и др., где якобы живут святые или пребывают мертвые.

Мотив «хождения в Рим» встречается также в идентичном польском (верхнесилезском) заговоре, что может указывать на более глубокие истоки мотива: «Witaj, miesiącku nowy <...> Byłeś w Rzymie? Był! Widziałeś zmarłego? Widzio! Bolały go zęby? Nie, nie bolały! Deje Boze zeby mnie tez nie bolały» <Здравствуй, месяц новый! Ты был в Риме? — Был. — Ты видел мертвого? — Видел. — Болели у него зубы? — Нет, не болели. — Дай же Бог, чтобы у меня тоже не болели> [FGŚ, 1989, 236].

Акъян град

Одна фиксация в пастушеском отпуске: «И погоню свой скот, милой живот, к Океану морю, к Акъяну граду...» (Олон.) [Елпидинский, 1872, 586]. Это имя собственное, скорее всего, возникло в результате переноса общефольклорного

топонима *Океан море*, с которым оно соседствует в контексте. По непонятным причинам заговор в данном случае фонетически «разводит» между собой два топонима, хотя обычно сквозное имя повторяется в заговоре без изменений.

Названия городов упоминаются прежде всего в рукописных молитвах и заговорах, широко распространенных на Русском Севере, и значительно реже — в устных севернорусских заговорах. Практически все эти названия — из библейской истории. В изображаемых в заговорах городах действуют персонажи Священного Предания, связанные, в свою очередь, с ветхо- и новозаветными событиями, часть из которых так или иначе воспроизводится в рукописных молитвах и заговорах. При этом историко-географические доминанты других фольклорных жанров, и прежде всего былин, главными городами которых являются *Киев* и *Новгород*, в заговорах и рукописных молитвах Русского Севера не фигурируют вообще.

Рукописные молитвы и заговоры обнаруживают тенденцию к нагнетанию прецедентности, когда один топоним тянет за собой следующий, причем системные связи имен собственных в таком случае предсказуемо определяются рамками библейской топографии и топонимии, а с фольклорными эти топонимы сопоставляются крайне редко: «Есть на сем белом свете, во Иерусалиме граде, где пострада Господь наш Иисус Христос, нас ради плотию смерть вкуси; и порожден бысть наш Иисус Христос в Вифлиеме граде; и крещение получа от Иоанна Предтечи во Иордане реке, которая река из раю течет; и воспитан быст наш Иисус Христос в Святой горе, в вертепе, над святою рекою, над Ерданом; и близь святого Иордана стоит святая Фаворская гора; и на той святой Фаворской горе лежит бел Латыр-камень; и на том белом камени сидит пречистая Богородица, Христа царя мати, прядет шелков Хр...ту на пелену, и, отпрявши, смотала и выткала, и мыла во Иордане, реке <...> прииде пречистая Богородица с берчатою пеленою к рабу Божию (имя рек) и станет вытирати притчи и прикосы...» (Тот.) [Виноградов, 1, № 19].

Для названий городов, восходящих к библейской истории и Священному Писанию и фигурирующих в рукописных молитвах и заговорах, восстанавливается три модели взаимодействия с прецедентным именем и связанными с ним событиями, лицами, географическими объектами (то же характерно и для названий морей, см. [Агапкина и др., 2018]). В первом случае топоним более или менее точно соотношен с прототипом, выстраиваемый вокруг него в рукописной молитве сюжет отвечает прецедентному событию и до некоторой степени является пересказом последнего. Таковы топонимы *Едес* (*Эдесс*), *Иерусалим* (частично), ср. также *Тивериадское море*, *Чермное море*. Во втором случае топоним также сохраняет близость к прототипическому имени, однако на основе прецедентного

сюжета рукописная молитва формирует более широкое символическое значение имени собственного, выходящее за рамки этого сюжета. Такую ситуацию мы наблюдаем в отношении топонимов *град Вифлеем* и отчасти *Иерусалим*, которые превращаются в символы спасения и защиты. И наконец, в третьем случае топоним фактически теряет связь с протособытием и обычно обозначает место действия, получающее высокий статус благодаря прецедентному характеру соответствующего имени собственного (*Ефест*, *Капернаум* и др.). Это наблюдение созвучно мнению С. М. Толстой, полагавшей, что библейские топонимы в фольклоре имеют «символический, идеальный характер» [Толстая, 2015, 143].

Если говорить о соотношении заговорных названий городов и реальной топонимии Русского Севера, то надо отметить, что в местной системе географических названий отражен только *Иерусалим*. Очевидно, это связано с практикой воспроизведения «новых иерусалимов» — святых мест, которые должны были (в том числе с помощью имени) получить «отблеск» сакральности прецедента.

Источники

- Андроников В. А.* Страничка из истории народно-бытовой медицины // Труды III областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20–26.VI.1906. Владимир : [б. и.], 1909. С. 1–30.
- Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.
- Бобунова М. А., Хроленко А. Т.* Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Ч. 2 : Мир человека. Курск : Курск. гос. ун-т, 2006.
- Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (по старинным рукописям и современным записям) : в 3 вып. СПб. : Тип. Мин-ва путей сообщения (Т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1907–1909.
- Голубцов Н.* Молитва пастухов в Олонецкой губ. // Олон. губ. ведомости. 1909. № 93 (17 сент.). С. 2.
- Дилакторский П. А.* Пастушьи наговоры Кадниковского у. // Волог. губ. ведомости. 1891. № 5. С. 5.
- Елтидинский С.*, священник, настоятель Каргинского прихода. Обход или спуск для скота // Олон. губ. ведомости. 1872. № 52. С. 586.
- Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Изв. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Имп. Моск. ун-те. Т. 30. Кн. 5. Вып. 2 : Народная словесность. М. : Типо-литография С. П. Архипова и Ко, 1878.
- Знатки, колдуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общ. ред. А. Б. Мороза. М. : ФОРУМ ; Неолит, 2013.
- Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Имп. Моск. ун-те. Т. 69. Труды этногр. отдела. Т. 11. Вып. 1. М. : Тип. т-ва А. Левонсон, 1890.
- Ильина Т. С., Ипполитова А. Б.* Водлозерский пастушеский отпуск конца XVIII века из экспедиционных материалов Н. Н. Харузина // Ильинский Водлозерский погост : материалы науч. конф. «Водлозерские чтения: Ильинский погост» (6–10 авг. 2007 г.) / под ред. А. В. Пигина. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 197–245.
- Колосов М. А.* Заметки о языке и народной поэзии северно-великорусского наречия // Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности. 1877. Т. 17. № 3. С. 1–343.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург)

- Курец — Русские заговоры Карелии / сост., вступ. ст., примеч. Т. С. Курец. Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 2000.
- Мансикка В. Заговоры Шенкурского уезда // Живая старина. 1912. Вып. 1. С. 125–136.
- Мансикка В. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // Sborník filologický (III. Trída České akademie věd a umění). 1926. Sv. 8. Č. 1. S. 185–233.
- Мардарьев Ив. Хаос в вере // Олон. неделя. 1914. № 21. С. 13–15.
- Ордин Н. Заговоры, собранные в Сольвычегодском уезде // Архив Рус. геогр. о-ва. Разр. 7. Д. 44. Л. 9 об.
- ОЧ — Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Индрик, 2002.
- Песковы — Обереги и заклинания русского народа / тексты подгот. М. и А. Песковы. М. : Крон-пресс, 1993.
- Петрова — Из полевых записей А. М. Астаховой 1928 года (Заговоры на Мезени) / публ. и комм. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. Вып 7 / отв. ред. А. Н. Розов. СПб. : Наука, 2007. С. 184–223.
- Попов Н. Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда // Живая старина. 1903. Вып. 1–2. С. 188–224.
- Пыщуганье. Традиционный фольклор Пыщугского р-на Костромской области / под ред. А. В. Кулагиной. Пыщуг : [б. и.], 2001.
- Ребров В. Молитва скоту // Олон. сборник. 1886. Вып. 2. Отд. 2. С. 49–54.
- РЗЗ — Русские заговоры и заклинания / под ред. В. П. Аникина. М. : МГУ, 1998.
- РЗРИ — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / сост., подгот. текстов, статьи и комм. А. Л. Топоркова. М. : Индрик, 2010.
- РК 5/2 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 5 : Вологодская губерния. Ч. 2 : Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб. : Деловая полиграфия, 2007.
- РК 5/3 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 5 : Вологодская губерния. Ч. 3 : Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб. : Деловая полиграфия, 2007.
- РО ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом). Рукописный отдел (Санкт-Петербург).
- Русов И. Заговоры над скотом // Олон. губ. ведомости. 1910. № 75. С. 2–3.
- Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : в 4 т. СПб. : Тип. А. Семена, 1861–1867.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / ред. С. Г. Бархударов. Л. ; СПб. : Наука, 1984–. Вып. 1–.
- Смилянская — Собрание нужнейших статей на всяку потребу («Суеверная книжица» из Библиотеки Казанского университета) / публ. Е. Б. Смилянской // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Индрик, 2002. С. 297–321.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Суеверие и предрассудки в простом народе // Олон. губ. ведомости. 1885. № 75 (2 ноября). С. 666–667.
- Тихомиров В. К. Отпуск, спуск или обход скота вечный // Вестн. Олон. губ. земства. 1910. № 18. С. 23–25.
- ТЭ — топонимическая картотека ТЭ УрФУ (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

- Унбегаун Б. О. Русские фамилии : пер. с англ. / общ. ред. Б. А. Успенского. М. : Прогресс, 1989.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
- Цейтлин Г. Знахарства и поверья в Поморье // Изв. Арханг. о-ва изучения Рус. Севера. 1912. № 1. С. 8–16.
- FGŚ — Folklor Górnego Śląska. Monografia / red. D. Simonides. Katowice : Śląsk, Cop, 1989.

Исследования

- Агапкина Т. А. Сюжетный состав восточнославянских заговоров (мотив мифологического центра) // Заговорный текст. Генезис и структура / отв. ред. Т. Н. Свешникова. М. : Индрик, 2005. С. 247–291.
- Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М. : Индрик, 2010.
- Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера. I: Моря и реки // Вопр. ономастики. 2018. Т. 15. № 1. С. 65–114.
- Агеева Р. А. Пространственные обозначения в заговоре как типе текста (на восточнославянском материале) // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста / отв. ред. Н. А. Слюсарева. М. : Наука, 1982. С. 132–159.
- Белова О. В., Петрухин В. Я. «Святые горы», Киев и Иерусалим в славянской мифопоэтической традиции // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / ред.-сост. А. М. Лидов. М. : Индрик, 2009. С. 445–457.
- Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. 2-е изд., испр. и доп. М. : КомКнига, 2010.
- Березович Е. Л. О современных задачах семантико-мотивационной реконструкции народной топонимии // Вопр. языкознания. 2014. № 2. С. 89–109.
- Горбаневский М. В. «Мимо острова Буяна...» // Рус. речь. 1987. № 6. С. 116–122.
- Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1967.
- Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М. : Просвещение, 1977.
- Мочульский В. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава : Тип. М. Земкевича, 1887.
- Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. 2-е изд. Л. : Искусство, 1988.
- Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М. : Наука, 1993.
- Толстая С. М. Город Иерусалим, гора Сион и царь Давид // Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 138–150.
- Турилов А. А., Чернецов А. В. Ангел Пострелил и зверь Любимец // Живая старина. 1994. № 1. С. 26–28.
- Фялкова Л. Иерусалим в украинском фольклоре // Живая старина. 1997. № 2. С. 35–37.
- Шилов А. Л. Опыт историко-этимологического словаря топонимов Карелии (буква Б) // Этимологические исследования. Вып. 8 / ред. А. К. Матвеев. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 148–162.
- Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М. : МОНФ, 1997.
- Юдин А. В. Мифотопонимия украинских и белорусских заговоров (на примере топонима Сион) // Язык культуры: семантика и грамматика : к 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2004. С. 295–308.

Рукопись поступила в редакцию 10.01.2018

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры русского языка	самар.	самарские говоры русского языка
астрах.	астраханские говоры русского языка	симб.	симбирские говоры русского языка
влг.	вологодские говоры русского языка	ст.-рус.	старорусский язык
ворон.	воронежские говоры русского языка	урал.	русские говоры бассейна р. Урал
дон.	русские говоры бассейна р. Дон		

В названиях географических объектов

пок. покос

В названиях административно-территориальных единиц

Арх.	Архангельская область (губерния)	Кир.	Кирилловский район (уезд)
Баб.	Бабаевский район Вологодской области		Вологодской области (Череповецкой губернии)
Бабуш.	Бабушкинский район Вологодской области	Кологрив.	Кологривский район (уезд) Костромской области (губернии)
Бел.	Белозерский район (уезд) Вологодской области (Череповецкой губернии)	Кон.	Коношский район Архангельской области
Белом.	Беломорский район Карелии (побережье Белого моря в Олонецкой губернии)	Костр.	Костромская область (губерния), Костромской район (уезд)
Ваш.	Вашкинский район Вологодской области	Лен.	Ленский район Архангельской области
В-Важ.	Верхневажский район Вологодской области	Леш.	Лешуконский район Архангельской области
Вин.	Виноградовский район Архангельской области	Мез.	Мезенский район (уезд) Архангельской области (губернии)
Влг.	Вологодская область (губерния)	Нейск.	Нейский район Костромской области
Влгд.	Вологодский район (уезд) Вологодской области (губернии)	Ник.	Никольский район (уезд) Вологодской области (губернии)
Вож.	Вожегодский район Вологодской области	Новг.	Новгородская область (губерния)
Вох.	Вохомский район Костромской области	Нюкс.	Нюксенский район Вологодской области
В-Уст.	Великоустюгский район (Великоустюжский уезд) Вологодской области (губернии)	Нянд.	Няндомский район Архангельской области
Гряз.	Грязовецкий район (уезд) Вологодской области (губернии)	Обонеж.	Обонежье, территория Обонежской пятины
Кад.	Кадуйский район Вологодской области	Окт.	Октябрьский район Костромской области
Кадн.	Кадниковский уезд Вологодской губернии	Олон.	Олонецкая губерния
Карг.	Каргопольский район (уезд) Архангельской области (Олонецкой губернии)	Парф.	Парфеньевский район Костромской области
К-Б.	Красноборский район Архангельской области	Пин.	Пинежский район (уезд) Архангельской области (губернии)
		Плес.	Плещецкий район Архангельской области
		Прим.	Приморский район Архангельской области
		Прион.	Прионежский район Республики Карелия

Пудож.	Пудожский уезд Олонецкой губернии	Тот.	Тотемский район (уезд) Вологодской области (губернии)
Пыщ.	Пыщугский район Костромской области	У-Куб.	Усть-Кубинский район Вологодской области
С-Двин.	г. Северодвинск, Северо-Двинская губерния	Уст.	Устьянский район Архангельской области
Сегеж.	Сегежский район Республики Карелия	Холм.	Холмогорский район (уезд) Архангельской области (губернии)
Сок.	Сокольский район Вологодской области	Чаг.	Чагодощенский район Вологодской области
Солигалич.	Солигаличский район (уезд) Костромской области (губернии)	Череп.	Череповецкий район (уезд) Вологодской области (Новгородской губернии)
Сольвыч.	Сольвычегодский уезд Вологодской губернии	Шексн.	Шекснинский район Вологодской области
Тарн.	Тарногский район Вологодской области	Шенк.	Шенкурский район (уезд) Архангельской области (губернии)

Прочие
шутл. шутливое

Агапкина Татьяна Алексеевна

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдел этнолингвистики и фольклора,
Институт славяноведения РАН
119991, Москва, Ленинский пр., 32а
E-mail: agapi-t@yandex.ru

Березович Елена Львовна

доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН, профессор
кафедра русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
комн. 306
E-mail: berezovich@yandex.ru

Сурикова Олеся Дмитриевна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Топонимической лаборатории
кафедра русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
комн. 306
E-mail: surok62@mail.ru

Agapkina, Tatyana Alekseevna

DrHab, Leading Research Fellow
Department of Foklore and Ethnolinguistics
Institute of Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences
32a, Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russia
E-mail: agapi-t@yandex.ru

Berezovich, Elena Lvovna

DrHab, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, Professor
Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., office 306
620000 Ekaterinburg, Russia
E-mail: berezovich@yandex.ru

Surikova, Olesya Dmitrievna

PhD, Senior Research Fellow
Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., office 306
620000 Ekaterinburg, Russia
E-mail: surok62@mail.ru

Tatyana A. Agapkina*

Elena L. Berezovich**

Olesya D. Surikova**

*Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia**Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

TOPONYMS IN THE CHARMS OF THE RUSSIAN NORTH.

II: LANDS. MOUNTAINS. ISLANDS. CITIES

The paper continues a series of publications studying the origins and usage of toponyms in oral and manuscript texts of charms attested in the Russian North: in the Arkhangelsk, Vologda, Olonets, and Kostroma regions. In this part, the authors focus on the names of “lands,” i.e. mountains, islands, and cities, subjecting them to an in-depth analysis. The parameters include 1) variations of a particular place name in the charms of the Russian North; 2) the number of folklore texts it occurs in; 3) the relation of the toponym to other geographical names within the text; 4) isofunctional toponyms; 5) folklore motifs associated with the geographical object and its name; 6) whether the name appears in other genres of folklore; 7) correlations with the real toponymy of the Russian North; 8) possible etymologies of the name. The smallest group comprises the names of “lands” implying the semantic opposition of “friend / foe”. The largest group includes the names of mountains — either place names that refer to “all-Russian” toponymic objects (like *Folyn-Gora*) and often allude to biblical prototypes (*Tabor*, *Sinai*, etc.), or local mountains (like *Sogozh-Gora*) that take after some more general folkloric tradition (the *Sorochinsky Mountains*), or else occasional place names that do not have a real / textual prototype (like *gory-Hry*). Among the names of islands (which are half as many as the mountains), the variations of the folkloric proto-name of *Buyan Island* prevail. It is of note that the names of the islands and mountains mentioned in charms are barely reflective of the real topography of the Russian North (where islands abound). The names of cities, as such, are found mainly in handwritten prayers and charms (and far less frequently occur in oral Northern Russian charms), with nearly all of them referring to biblical history. Incidentally, the only name that points to a real city is *Jerusalem*.

Key words: toponymy, names of mountains, names of islands, names of cities, the language of Russian folklore, charm, Russian North, semantic-motivational reconstruction.

Acknowledgements

The contribution of T. A. Agapkina and O. D. Surikova was supported by the Russian Science Foundation (project number 17-18-01373 “Slavic Archaic Zones in the European Space: Ethnolinguistic Studies”).

The contribution of E. L. Berezovich was carried out within the project 34.2316.2017/ПЧ “The Volga-Dvina Interfluvium and the Belozerye Area: History and Culture of Regions according to Linguistic Data” supported by the Russian Ministry of Education and Science. The authors are grateful to Irma I. Mullonen for her valuable consultations.

- Агапкина, Т. А. (2005). Siuzhetnyi sostav vostochnoslavianskikh zagovorov (motiv mifologicheskogo tsentra) [The Thematic Structure of Eastern Slavic Charms (on the Motif of the Mythological Center)]. In T. N. Sveshnikova (Ed.), *Zagovornyi tekst. Genesis i struktura* [Charm Text: Genesis and Structure] (pp. 247–291). Moscow: Indrik.
- Агапкина, Т. А. (2010). *Vostochnoslavianskie lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Siuzhetika i obraz mira* [East Slavic Healing Spells in the Comparative Perspective: Plots and the World View]. Moscow: Indrik.
- Агапкина, Т. А., Березович, Е. Л., & Сурикова, О. Д. (2018). Toponimiia zagovorov Russkogo Severa. I: Moria i reki [Toponyms in the Charms of the Russian North. I: Seas and Rivers]. *Voprosy onomastiki*, 15(1), 65–114. http://dx.doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004
- Ageeva, R. A. (1982). Prostranstvennye oboznacheniiia v zagovore kak tipe teksta (na vostochnoslavianskom materiale) [Spatial Denominations and Toponyms in the Spell as a Type of Text (on East-Slavic Material)]. In N. A. Slyusareva (Ed.), *Aspekty obshchei i chastnoi lingvisticheskoi teorii teksta* [Aspects of General and Specific Linguistic Theory of the Text] (pp. 132–159). Moscow: Nauka.
- Belova, O. V., & Petrukhin, V. Ya. (2009). «Sviatye gory», Kiev i Ierusalim v slavianskoi mifopoeticheskoi traditsii [The “Holy Mountains”, Kiev and Jerusalem in the Slavic Mythopoetic Tradition]. In A. M. Lidov (Ed.), *Novye Ierusalimy. Ierotopiia i ikonografiia sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalems: Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces] (pp. 445–457). Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L. (2010). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte: Mifopoeticheskii obraz prostranstva* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect: Space and Human]. Moscow: KomKniga.
- Berezovich, E. L. (2014). O sovremennykh zadachakh semantiko-motivatsionnoi rekonstruktsii narodnoi toponimii [On Current Issues in Semantic Motivational Reconstruction of Toponymy]. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 89–109.
- Fialkova, L. (1997). *Ierusalim v ukrainskom fol'klore* [Jerusalem in Ukrainian Folklore]. *Zhivaia starina*, 2, 35–37.
- Gorbanevskii, M. V. (1987). “Mimo ostrova Buiana...” [“Past the Buyan Island...”]. *Russkaia rech*, 6, 116–122.
- Kondratyeva, T. N. (1967). *Sobstvennye imena v russkom epose* [Proper Names in the Russian Epic]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta.
- Larin, B. A. (1977). *Istoriia russkogo iazyka i obshchee iazykoznanie (Izbrannye raboty)* [History of the Russian Language and General Linguistics (Selected Works)]. Moscow: Prosvshchenie.
- Moczulsky, V. (1887). *Istoriko-literaturnyi analiz stikha o Golubinoi knige* [A Historical and Literary Analysis of the Rime in the Book of the Dove]. Warsaw: Tip. M. Zemkevicha.
- Nekrylova, A. F. (1988). *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseneniia i zrelischa. Konets XVIII — nachalo XX veka* [Russian Popular City Festivals, Entertainments, and Spectacles. Late 18th — Early 20th Centuries]. Leningrad: Iskustvo.
- Nikitina, S. E. (1993). *Ustnaia narodnaia kul'tura i iazykovoe soznanie* [Oral Folk Culture and Language Mind]. Moscow: Nauka, 1993.
- Shilov, A. L. (2003). Opyt istoriko-etimologicheskogo slovaria toponimov Karelii (bukva B) [A Historical-Etymological Dictionary of Karelia (Letter B)]. In A. K. Matveev (Ed.), *Etimologicheskie issledovaniia* [Etymological Studies] (Vol. 8, pp. 148–162). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Tolstaya, S. M. (2015). Gorod Ierusalim, gora Sion i tsar' David [The City of Jerusalem, the Sion Mountain and Tsar David]. In S. M. Tolstaya, *Obraz mira v tekste i rituale* [The World's Image in Text and in Ritual] (pp. 138–150). Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke.
- Turilov, A. A., & Chernetsov, A. V. (1994). *Angel Postrelil i zver' Liubimets* [The Angel Postrelil and the Beast Liubimets]. *Zhivaia starina*, 1, 26–28.
- Yudin, A. V. (1997). *Onomastikon russkikh zagovorov. Imena sobstvennye v russkom magicheskom fol'klore* [Onomasticon of Russian Charms. Proper Names in Russian Magical Folklore]. Moscow: MONF.

- Yudin, A. V. (2004). Mifotoponimiia ukrainskikh i belorusskikh zagovorov (na primere toponima *Sion*) [The Mythological Toponymy of Ukrainian and Byelorussian Charms: the Case of *Sion*]. In S. M. Tolstaya (Ed.), *Yazyk kul'tury: semantika i grammatika: k 80-letiiu so dnia rozhdeniia akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [The Language of Culture: Semantics and Grammar: on the 80th Anniversary of Nikita Tolstoy] (pp. 295–308). Moscow: Indrik.

Received 10 January 2018